

все же нашелся. Он состоял в богословской подготовке духовенства и всестороннем стимулировании миссионерской деятельности в отношении старообрядцев. Специально подготовленные священники посещали приходы и вели дискуссии со старообрядческими наставниками, а в своих приходах с «раскольниками» боролись приходские священники. В этом заключается суть истории взаимоотношений прихода и старообрядцев, чье влияние распространилось на сельские и городские приходы.

§ 3. Город и деревня: пути и формы взаимодействия в религиозной сфере

Проблема адаптации прихода к городским условиям является одной из наименее изученных, она включает в себя значительное количество разнообразных аспектов. Известно, что «город притягивает инициативу, поднимает выше цеховой значимости индивидуальность, открывает широкое жизненное пространство активности субъекта»²⁴⁰, что создавало для прихода, основанного на ценностях коллективизма, дополнительные сложности. Город является организующим центром культуры, как место инноваций, как провозвестник будущего. Все эти черты городской жизни слабо состыковывались с освященными традицией нормами приходской жизни, где главную роль играла традиционная культура. Развитие городской религиозной жизни и формирование ее особенностей в Олонецкой епархии приходится преимущественно на конец XVIII—начало XIX в. Это объясняется сравнительно поздним появлением большинства городов и формальным принципом их учреждения. В основу для создания городов был положен принцип административного удобства, а не экономическое развитие поселений. Это не могло не влиять на религиозную жизнь. Определяющим фактором в формировании специфики религиозной жизни городов Олонецкой епархии стали условия их возникновения, особенности экономической жизни, административный статус. Тем не менее любой город существенным образом влиял на состояние религиозной жизни. В частности, особым явлением в конфессиональной истории стала городская религиозность. Известно, что местная духовная власть по-разному расценивала состояние благочестия в народе, отдавая предпочтение низшим слоям городского населения. Как говорилось в отчете о состоянии Олонецкой епархии за 1861 г.,

²⁴⁰ Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 238.

«о жителях городов можно сказать, что между ними чувство благочестия живее и искреннее в среднем и низшем сословии, чем в сословии чиновном, в котором вообще примечается более равнодушия и холодности по отношению к благочестию»²⁴¹. На окрестные селения город влиял не только в экономическом, но и в духовном плане. Жители пригородных приходов не соблюдали пост, «соблазняясь всякого рода городскими развлечениями»²⁴². Отчет о состоянии епархии за 1904 г. содержит еще более негативные высказывания на эту тему: «Главным и наиболее известным путем распространения безверия и нравственной распушенности среди простого деревенского люда служит временное пребывание многих из крестьян в городах, особенно столичных, куда они ходят на заработки и отправляют своих детей для помещения в разного рода мастерские. Такие крестьяне утрачивают чистоту и простоту нравов и возвращаются в деревню с охлажденным религиозно-нравственным чувством»²⁴³.

При несомненных чертах сходства города обладали собственной экономической, административной и церковной спецификой. Все это в конечном итоге предопределяло заметные различия в городской религиозной жизни. Города Олонецкой епархии могут быть классифицированы исходя из особенностей религиозной жизни. *Первая* группа – наиболее древние города с вполне устоявшейся религиозной жизнью, возникновение которых связано с хозяйственными, административными или оборонными потребностями государства и местного населения. Это Каргополь и Олонец. *Вторая* группа – города, оформившиеся сравнительно поздно, так и не сумевшие в XIX–начале XX в. преодолеть «деревенские рудименты» в религиозной жизни. Это Повенец, Пудож, Вытегра и Лодейное Поле. *Третья* группа представлена только одним городом, сыгравшим особую роль в религиозной жизни епархии. Речь идет о Петрозаводске, в котором религиозная жизнь формировалась под ощутимым воздействием горнозаводского производства, при поддержке со стороны государства.

Специфика каждой из групп проявлялась в ряде сфер, одной из которых стало финансирование строительства церквей. Наиболее

²⁴¹ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 61, л. 29–29, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии).

²⁴² Бернитам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии, с. 241.

²⁴³ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/97, л. 29 (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1904 г.).

типичным способом возведения храмов в первой группе городов, Каргополе и Олонце, стала купеческая благотворительность. Участие малообеспеченных горожан, промышленных предприятий, а также привлечение государственных средств для строительства церквей и часовен отмечается редко. По-другому осуществлялось строительство храмов во второй группе городов. Здесь наиболее заметную роль играли пожертвования основной массы горожан. Средства купцов, в отличие от сельских приходов, привлекались в весьма ограниченном объеме. Третья группа, представленная лишь одним центром епархии, стала наиболее отличимой от двух предшествующих. Средства, необходимые для возведения церковных зданий, поступали из ряда источников. В период становления города наиболее заметную роль играли заводские отчисления. Петровский, а затем Александровский заводы приложили немалые усилия для строительства, «благоукрашения», ремонта храмов. Начиная с XIX столетия к финансированию строительства привлекались государственные средства, ставшие основой для наиболее масштабных архитектурных проектов: Александро-Невского, Святодуховского и Воскресенского соборов.

Различия в положении и повседневной деятельности городского и сельского духовенства наиболее отчетливо заметны в церковно-управленческой сфере. На городских священников возлагалось исполнение благочиннической должности, сопряженное со значительной аналитической и контрольной деятельностью и требующее обширных богословских познаний и организаторских способностей. В соответствии со сложившейся во второй половине XIX в. церковно-административной практикой городское духовенство вовлекалось в работу, далекую от пастырских полномочий. Общей для всех клириков обязанностью (и статьей дохода) во второй половине XIX—начале XX в. стало преподавание в церковно-приходских школах, а для некоторых — в духовных училищах и семинарии. Особыми чертами отличались и взаимоотношения с паствой. Городские прихожане более-менее свободно могли выбирать себе ту церковь и то духовенство, а в конечном итоге и тот приход, которые представлялись им более привлекательными в духовном (благочестие) и материальном (оплата услуг) плане²⁴⁴.

Особенности духовной жизни всех городов Олонецкой епархии связаны с господством православной веры, которая в рассматриваемый период повсеместно доминировала, пользуясь всесторонней

²⁴⁴ Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003. С. 42.

поддержкой государства. Специфика каждой из перечисленных групп накладывала свой отпечаток на религиозную жизнь. Моноконфессиональными, если не принимать во внимание ощутимое старообрядческое влияние, оставались города второй группы, сформировавшиеся из нескольких местных деревень. Петрозаводск отличался от уездных городов заметно большим количеством конфессий: во второй половине XIX в. возникла и с перерывами продолжала действовать иудейская община, в первые годы существования поселения оформилась протестантская церковь, в конце XIX в. началось формирование католической религиозной общины. Самые старые города епархии занимали промежуточное положение: в них имелись небольшие сообщества верующих (в частности лютеран), не принадлежащих господствующей православной церкви.

Обратимся к проблемам религиозной жизни городов Олонецкой епархии, начиная с города, длительное время являвшегося ее центром, *Петрозаводска*. Начало религиозной жизни в слободе, предшествующей городу, связано с первыми годами предыстории Петрозаводска. Предположительно в 1703 г. здесь построена деревянная церковь во имя св. апостолов Петра и Павла с приделами, посвященными Алексею, человеку Божию, и Александру Невскому (святым, тезоименитым царевичу Алексею и ближайшему сподвижнику Петра I А.Д. Меншикову). Сведений о второй заводской церкви, Святодуховской, сохранилось значительно меньше. Известно, что она построена в тот период, когда заводами управляла Адмиралтейств-коллегия, т. е. до 1712 г.²⁴⁵ Кроме православной церкви в слободе при Петровском заводе имела «кирка немецкая», предназначенная для находящихся на заводе мастеровых лютеранского вероисповедания, но о ней сохранились крайне скудные сведения²⁴⁶.

Первым православным священником заводской церкви стал вдовый поп Иосиф, присланный Духовным приказом из села Дединова Коломенского уезда и остававшийся при заводах до монашеского пострига, принятого им в 1708 г.²⁴⁷ В дальнейшем заполнение вакансий при заводской церкви происходило путем присылки священников из других областей Российского государства. На место выбывшего священника в марте 1709 г. по распоряжению царя Петра I «для служения и мирских потреб» прислали новых из числа московских клириков.

²⁴⁵ См. об этом подробнее: История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 58.

²⁴⁶ НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 5, л. 122–125.

²⁴⁷ РГАДА, ф. 26, оп. 1, д. 8, л. 394, об.; Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 48–49.

Избранные московскими поповскими старостами священник церкви Живоначальной Троицы, что за Сретенскими воротами у Сухаревской башни, Иван Федоров и священник церкви Вознесения Господня, что за Серпуховскими воротами, Иван Феокистов прибыли на завод «в последнем зимнем пути». Из них директор заводов А.С. Чоголоков избрал последнего, а Ивана Федорова отправил назад в Духовный приказ. Иван Феокистов был вскоре отпущен, а вместо него в марте 1709 г. прислан священник церкви Живоначальной Троицы в Мещанской слободе Григорий Андреев. Он обязался постоянно находиться при заводах для службы в церкви и получать жалованье из заводской казны. Все расходы, связанные с существованием церкви и духовенства, взяла на себя заводская канцелярия²⁴⁸. К 1720 г., по данным «перечневых выписок», при заводе числились один протопоп, а также дьячок и пономарь. Они служили при церквях во имя апостолов Петра и Павла и Сошествия Святого Духа²⁴⁹. Пребывание в составе клира заводской церкви оставалось малопривлекательным делом для искателей священно- и церковнослужительских мест вплоть до 1770-х гг., когда население города начало быстро расти и доходы, получаемые за исполнение треб, также увеличились. Новгородский митрополит, в чьем ведении находилась территория, на которой располагались заводы, не вмешивался в подбор клириков и строительство церквей. Все вопросы церковной жизни решала заводская канцелярия по согласованию с центральной духовной и светской властями.

Получаемые от населения и заводского начальства доходы не удовлетворяли заводских клириков. Они явно завидовали более обеспеченной жизни своих сельских коллег и стремились присоединиться к их числу. В марте 1752 г. канцелярия выдала жалованье «находящемуся при здешних заводах при отправлении в церквях Божиих священнослужения входящему (*т.е. работающему по совместительству*. — М.П.) из Святозерской выставки попу Федору Моисееву». Собственный заводской священник Афанасий Григорьев был «от оных заводов отлучен» и пострижен в монахи. Найти нового священника для канцелярии оказалось непростым делом, поскольку священнику при заводах «кроме настоящеопределенного жалованья за мастогию людей питаться нечем», а служба при сельской церкви для потенциальных кандидатов в священники представлялась значительно более выгодной. Находящийся при заводах святозерский священник исполнял требы «не всегда, но

²⁴⁸ РГАДА, ф. 26, оп. 1, д. 8, л. 399–400.

²⁴⁹ Там же, ф. 350, оп. 2, д. 2359, л. 61.

временно», поэтому канцелярия распорядилась выдать ему половину жалования зерном, «а денежного — одну треть»²⁵⁰.

Серьезные трудности проявились и в ремонте приходских церквей. Несмотря на все принимаемые меры, канцелярии удалось сберечь только одну из двух заводских церквей. В январе 1755 г. священник Трофим Матвеев доносил Синоду, что имеющаяся на заводах церковь во имя Сошествия Святого Духа «уже в немалую пришла ветхость и гнилость», а на ее ремонт в заводской казне «в наличности денежной суммы николикого числа не имеется»²⁵¹. В июле 1757 г. на Петровском заводе получен указ Святейшего правительствующего синода с благословением построить новый храм «вместо имеющейся при оных заводах построенной еще в бывшее оных заводов ведомство государственной Адмиралтейской коллегией вновь деревянной во имя Сошествия Святого Духа церкви». Синод распорядился возвести новую церковь на месте обветшавшего старого храма и, «построя, убрать святыми иконами и прочим церковным благолепием» в соответствии с существующими правилами. После завершения строительства Синод предписал «об освящении оной требовать благословения от имеемого быть в Новгородской епархии преосвященного архиерея, а прежнюю деревянную церковь по разобрании употребить к церковному строению, а прочее употребить на печение просфор»²⁵². Сохранился контракт о строительстве новой церкви, заключенный между заводской канцелярией и местным обывателем А. Мурашевым, содержащий подробное описание всех работ. Конкретные сроки завершения строительства неизвестны. Святодуховская церковь упоминается в труде академика Н.Я. Озерецковского, посетившего Петрозаводск в 1784 г. В 1795 г. вместо нее было решено построить каменную Святодуховскую церковь о трех престолах за счет «церковной суммы». Нововозведенная церковь в 1875 г. была переименована и стала называться Воскресенской²⁵³.

Религиозная жизнь горнозаводского поселения, послужившего основой для формирующегося города Петрозаводска, заметным образом отличалась от приходских традиций, сложившихся в России к XVIII в. В поселениях при заводах степень контроля над духовенством, прихожанами и всем происходящим как в храме, так и вне его

²⁵⁰ Там же, д. 212, л. 104.

²⁵¹ РГИА, ф. 796, оп. 38, д. 52, л. 1 (Доношение Синоду из канцелярии Олонецких Петровских заводов).

²⁵² НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 220, л. 269.

²⁵³ Петрозаводск. 300 лет истории. Петрозаводск, 2003. Кн. 1. С. 320–322.

оказалась более высокой, чем в сельской местности и даже в городах. Выше был и образовательный уровень большинства верующих, что накладывало на духовенство дополнительные обязательства. Зависимость духовенства от прихожан в решении бытовых вопросов ощущалась в городе значительно меньше, чем в сельских приходах. Большую часть материальных проблем церкви решала заводская администрация за счет средств предприятий. Конечный итог ее деятельности оказался положительным. Канцелярии Олонецких Петровских заводов удалось на длительное время после завершения деятельности завода, расположенного в устье реки Лососинки, сохранить и церкви, и собственную религиозную жизнь. Административные новшества в жизни формирующегося города заставили заметным образом изменить и существование церкви.

Заводская канцелярия, в значительной степени принимая на себя руководство религиозной жизнью подведомственного ей населения, не ограничивалась решением лишь материальных проблем духовенства и строительством церквей. Даже такой вопрос, как таинство покаяния, находился под ее неусыпным контролем. В апреле 1769 г. в канцелярию Олонецких Петровских заводов обратился священник Мирон Трофимов. Он жаловался на заводских «обывателей», которых «ко исповеди является самое малое число, и требовал на основании существующих законов «состоящих при здешнем Петровском заводе в ведении оной канцелярии всякого звания чинов людей, даже до сущего семилетнего младенца, к исповеди принудить». Со своей стороны заводское начальство также добивалось всеобщей явки на исповедь, поскольку ответственность за своевременное исполнение христианского долга возлагалась и на нее. Канцелярия предписала «состоящих при здешнем заводе в ведении канцелярии разного звания и чинов людей к хождению на исповедь накрепко принудить». В документе особо подчеркивалось, что ослушники «штрафованы быть имеют непременно». Священнику предписывалось «в скорости» представить «известие» обо всех неисповедавшихся для последующего наказания²⁵⁴.

Участие в повседневной религиозной жизни для многих петрозаводчан оставалось обременительной обязанностью. Первый директор Александровского завода А.С. Ярцов в октябре 1780 г. отмечал, что даже в воскресные и праздничные дни работники «в церковь мало ходят, и почти никто не бывает». Для того чтобы преодолеть это «упущение», Ярцов распорядился собирать мастеровых и, «перекликая при заводе,

²⁵⁴ НА РК, ф. 445. оп. 1. д. 247. л. 159–159, об.

водить в церковь строем с надзирателями». Отказывающиеся посещать храм подвергались наказанию. Их полагалось записывать и «на другой день штрафовать по законам»²⁵⁵. Такая же практика имела место и в начале XIX в.: как видно из прошения мастеровых, датированного 1806 г., за неявку в церковь провинившихся заставляли работать на заводе в выходные дни²⁵⁶. Состоятельные жители города принимали более активное участие в религиозной жизни. Так, в апреле 1783 г. было принято решение о строительстве еще одной церкви в Петрозаводске. Купцы и мещане города объявили петрозаводскому коменданту, что «желают они построить к состоящей в городе на Зарецкой стороне на могильнике часовни для церковной службы и отпевания умерших их общественным иждивением алтарь (*превратив тем самым часовню в церковь*. — М.П.) и притом вокруг всей могилы деревянную ограду». Обыватели просили коменданта обратиться к городовому магистрату «с требованием дачи петрозаводским градским делам о подряде всего того строения на шет собираемых общественных сумм доходов повеления (т.е. в переводе на современный язык, магистрат должен был объявить о новом подряде, финансируемом из городских средств)». В мае 1796 г. завершилось начатое в 1792 г. строительство Троицкой церкви на средства вытегорской купеческой вдовы Ертовой. Решение о строительстве (благословение епископа Вениамина) принято в связи с тем, что «в том городе (*Петрозаводске*. — М.П.) состоит один только Петропавловский собор и что по тесноте и приходские люди, <...> граждане и обыватели все желание иметь особого священника с причетом и с выдачею им должного жалованья желание объявили»²⁵⁷.

Начинание вытегорской купеческой вдовы стало серьезным стимулом к дальнейшему развитию религиозной жизни в Петрозаводске. В июне 1800 г. по просьбе мастеровых, купцов и мещан города Петрозаводска учрежден особый приход при Троицкой церкви с условием выплаты жалованья священнику и причту из средств самих прихожан. Одновременно осуществлен перенос городского кладбища на новое место к реке Неглинке, где к тому времени была выстроена колокольня, а в дальнейшем предполагалось возвести кладбищенскую церковь. В следующем году в Петрозаводске завершилась перестройка новой церкви из часовни. Новый храм освящен во имя Воздвижения

²⁵⁵ Там же, д. 329, л. 400 (Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов).

²⁵⁶ Балагуров Я.А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958. С. 155.

²⁵⁷ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 9/77, л. 1–1, об.

Честнаго и Животворящего Креста Господня²⁵⁸. Необходимость в его строительстве связана с отсутствием зимней (отапливаемой) церкви в Петрозаводске. Таким образом, остро ощутимая нехватка церквей в Петрозаводске стала постепенно преодолеваться, но ограниченность местных средств по-прежнему заставляла петрозаводских прихожан возводить небольшие и, как оказалось впоследствии, недолговечные церкви.

В XIX в. религиозная жизнь получила новый импульс: началось активное возведение храмов. Посещение Петрозаводска императором Александром I заметным образом отразилось на бытии православной церкви в губернском городе. Город нуждался в заводской церкви. Находящиеся в Петрозаводске старые соборные церкви, построенные в XVIII в., окончательно обветшали. Как говорилось в письме олонецкого губернатора А.И. Рыхлевского архангельскому, олонецкому и вологодскому генерал-губернатору С.И. Миницкому, петрозаводские церкви, «быв давно оставлены без починок и поправок, время от времени приближаются к совершенному, можно сказать, разрушению». Церковное имущество также недостаточно: «ризница, в оных находящаяся <...> представляет убожество». Для исправления положения необходимы значительные средства и губернским архитектором уже составлена смета «как на исправление упоминаемых церквей, так и на построение вокруг оных ограды». Городские средства не позволяли решить проблему. Как говорилось в цитируемом документе: чиновники и прочие граждане города собирали необходимые средства, но этих денег недостаточно²⁵⁹. В апреле 1825 г. были выделены казенные ассигнования (15 000 рублей) на постройку при Александровском заводе церкви во имя святого Александра Невского. В июле 1826 г. состоялась торжественная закладка храма: священники Петропавловского собора с хоругвями в сопровождении множества граждан пришли к месту, где предполагалось построить новый храм, и «отслужили торжественное молебствие с водосвятием и приличными обрядами». Затем иерей Троицкой церкви произнес «весьма приличную сему речь». И, наконец, заводской священник и некоторые чиновники, «положив в основание по камню на известь», разошлись²⁶⁰. В 1835 г. строительство церкви завершилось. До декабря 1835 г. она находилась в ведении епархиального начальства, а затем передана в распоряжение администрации Александровского завода.

²⁵⁸ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 9/77, л. 17; Там же, д. 9/72, л. 10.

²⁵⁹ Там же, ф. 1, оп. 36, д. 23/11, л. 6–8.

²⁶⁰ Там же, ф. 38, оп. 15, д. 1/6, л. 53–53, об.

Архитектурный облик нового храма соответствовал лучшим столичным образцам. В одной из башен церкви зодчие устроили колокольню, а затем «вокруг церкви с западной, северной и восточной и частью с южной стороны устроена усердием прихожан Александровского пушечного завода весьма приличная ограда». Иконописные работы еще до постройки церкви (в 1829 г.) осуществил петербургский художник Александр Чижов: он скопировал на холсте лучшие образцы росписей Казанского собора, походной церкви Александра I, Александро-Невской лавры, церковью Генерального штаба, Михайловского замка и придворной церкви Зимнего дворца. К новому храму была приписана церковно-приходская школа, в которой обучали Закону Божию, основам грамматики и арифметики. Заводское начальство приняло меры с целью подбора достойных священников для церкви. С 1839 г. при церкви служили один священник, один дьякон и два причетника. В 1842 г. открылась еще одна священническая вакансия. Не обошлось без обычных проблем: растущий причт заводской церкви, как и его предшественники, изъявлял недовольство своим материальным положением. Как говорилось в описании церкви, «содержание священников посредственно, но младших членов причта, особенно оо. дьяконов-псаломщиков, по дороговизне в настоящее время существенных потребностей и скудости, ощутительной в прихожанах от той же причины, не вполне удовлетворительно»²⁶¹.

Невзирая на все проблемы, петрозаводчане постоянно заботились об увеличении числа городских храмов. В апреле 1860 г. освящено место, избранное под постройку нового кафедрального собора в г. Петрозаводске. Его возвели на Соборной площади (ныне пл. Кирова) в близком расстоянии от прежнего кафедрального собора. Решение о строительстве нового собора было принято еще в 1780-х гг., но переписка затянулась на длительный срок и разрешение начать строительство Воскресенского собора в Петрозаводске получили лишь в 1859 г. при архиепископе Аркадии. Наблюдение за строительством осуществлял губернский архитектор В.В. Тухтаров. По свидетельству современников, «собор имел вид четырехконечного креста, коего то и другое древо по 19 с половиною сажени, концы же сих древ по 9 сажень каждый. Кроме главного купола, имеются еще четыре купола по четырем углам, из коих в двух назначены колокольни». В 1866 г. в подвальном помещении собора открылась пещерная церковь, освященная во имя Собора Карельских Святых. Таким образом, в центре

²⁶¹ Там же, оп. 15, д. 107/2170, л. 141–144.

города должны были сосредоточиться три соборных церкви: старые Святодуховская и Петропавловская и новый Воскресенский собор²⁶². В 1852 г. освящена новая теплая Крестовоздвиженская кладбищенская церковь, построенная «на благотворительные приношения» «по плану и фасаду, высочайше утвержденным»²⁶³. В 1877 г. на заседании городской думы по предложению городского головы Н.Ф. Пикина решили ознаменовать столетие обретения Петрозаводском статуса города постройкой церкви по имя Вмч. Екатерины на городском кладбище. Дума распорядилась безвозмездно отпустить для этой цели лесоматериалы из городской дачи. Местные купцы Ф.П. Попов, М.А. Пospelов, мещанин Ф.Л. Чехонин «участвовали своими пожертвованиями в финансировании проекта», а городской голова Н.Ф. Пикин возглавил строительный комитет. Петербургский купец И.Ф. Громов, владелец Соломенского лесозавода, обеспечил строительство тесом и пожертвовал для храма серебряную церковную утварь²⁶⁴.

Строительство храмов стало первой положительной тенденцией в религиозной жизни города. Начало XIX в. принесло и другие позитивные изменения. В 1828 г. в Петрозаводске появилась Олонецкая духовная консистория, ведавшая религиозными учреждениями (приходами и монастырями, а позднее – и братствами) и духовными лицами. Консистория контролировала строительство культовых зданий, организовывала борьбу против старообрядчества и подготовку священно- и церковнослужителей. Для реализации последней цели в Петрозаводске в октябре 1829 г. открылась Олонецкая духовная семинария. Первоначально семинария разместилась в здании, занимаемом духовным училищем, а для проживания воспитанников были отведены флигеля при архиерейском доме²⁶⁵.

События в самом Петрозаводске вскоре заставили убедиться в том, что образованное духовенство и поддержка светской власти являлись насущной необходимостью. В 1837 г. в губернском городе об-

²⁶² НА РК, ф. 593, оп. 3, д. 1/2; НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 94/2037; ф. 25, оп. 1, д. 24/3; *Сорокина Т.В., Генделев Д.З.* Соборы Петрозаводска. Петрозаводск, 1999.

²⁶³ НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 86/1784, д. 63 (Ведомость о кафедральном соборе Олонецкой епархии).

²⁶⁴ *Кораблев Н.А., Мошина Т.А.* Городские головы Петрозаводска, 1778–1918: биографический справочник. Петрозаводск, 2008. С. 37.

²⁶⁵ *Любецкий Д.* Историческая записка об Олонецкой духовной семинарии за минувшее 50-летие (1828–1879 гг.) // Пятидесятилетний юбилей Олонецкой духовной семинарии, с. 25.

наружилась «старообрядческая моленная даниловской секты». Молитвенный дом размещался в здании, купленном в 1824 г. старообрядческим руководителем («большаком») на деньги Выговского общежительства. Жизнь в моленной протекала «в виде какого-то монастыря». Как указывалось в документах консистории, при моленной «проживают грамотницы из даниловских раскольников для отправления службы по расколу, из коих старшая именуется большухой, какое заведение, состоя внутри губернского города и, будучи открыто для всех приходящих, производит соблазн правоверным и распространяет раскол». Производимая в моленной продажа свечей рассматривалась как подрыв доходов церкви. Власти не сомневались в том, что в «моленной по секрету» совершаются церковные обряды.

Об обнаружении моленной олонецкий губернатор доложил министру внутренних дел, который в свою очередь информировал императора. Царь утвердил решение Петрозаводской палаты гражданского и уголовного суда, которая к тому времени приняла решение о закрытии моленной и передаче всех имеющихся в ней вещей, «до богослужения относящихся», в консисторию²⁶⁶. Дальнейшие судьбы старообрядчества в Петрозаводске складывались неоднозначно. Репрессивные меры в противостоянии старообрядцам сочетались с убеждением, дискуссиями с упорными старообрядческими наставниками при каждом удобном случае²⁶⁷. Современные исследователи данного вопроса утверждают, что «к концу XIX в. горожане-старообрядцы как бы сгруппировались в столице губернии, помогая друг другу и поддерживая друг друга во взаимоотношениях с официальными властями»²⁶⁸. К началу XX в. в городах Олонецкой епархии старообрядчество представлено мещанским и купеческим сословиями, а в Петрозаводске — еще и мастеровыми Александровского пушечного завода²⁶⁹.

Подводя первые итоги изучения особенностей городской религиозной жизни, можно сказать, что в конце XVIII—начале XX в. в религиозной жизни Петрозаводска сохранялись проблемы, унаследованные от предшествующего периода: значительное влияние старообрядчества, острая нехватка церквей, бедность приходского духовенства.

²⁶⁶ НА РК, ф. 1, оп. 48, д. 1/2, л. 19–41.

²⁶⁷ Там же, ф. 25, оп. 14, д. 28/38, л. 5 (О действиях священника Трофима Звероловлева на раскол горнозаводской).

²⁶⁸ *Ружинская И.Н.* Старообрядчество городов Олонецкой губернии в XIX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2000. Вып. 8. С. 59.

²⁶⁹ Там же, с. 60.

Наметились и положительные тенденции. Приходское духовенство в городе начало получать систематическое богословское образование. Эти тенденции получили продолжение в начале XX в. В начале прошлого столетия проблема церковного просвещения стала толковаться более широко, распространяясь не только на приходское духовенство, но и на паству. Так, в 1911 г. в Петрозаводске для местных жителей проводились специальные религиозно-нравственные чтения, в которых приняли участие местный архиепископ, священники, воспитанники старших курсов духовной семинарии, а главным предметом стали тексты Евангелий²⁷⁰. Местные священники активно участвовали в самых различных мероприятиях, осуществляемых духовной и светской властью. Так, в конце XIX—начале XX в. один из видных петрозаводских священников, о. Николай Чуков, кроме участия в различных земских комиссиях являлся членом Губернского статистического комитета, комитета Петрозаводской публичной библиотеки, губернского попечительства о народной трезвости, Попечительского совета Петрозаводской женской гимназии, членом военно-спортивного комитета и губернской санитарной комиссии, а также пожизненным членом Общества изучения Олонецкой губернии²⁷¹. Все это составляло специфику городского уклада сельской жизни, раз и навсегда ломая стереотипные представления о малообразованном и нищем попе, помышляющем лишь о поборах с прихожан.

Новым явлением во второй половине XIX—начале XX в. в жизни Петрозаводска стало интенсивное церковное строительство, целью которого стало придание центру епархии приличествующего облика. Итоги этой деятельности отражены в весьма скептических замечках, появившихся в епархиальной прессе в начале XX в. и словно отражающих итоги всех трудов и затрат. Отмечалось, что содержание Воскресенского и Петропавловского храмов городу вполне по плечу, а Святодуховский собор стал непосильным бременем для местных верующих и города в целом: «воздвигнуто это грандиозное здание, которому приличнее быть в столице или в каком-либо населенном и промышленном городе, но только не в Петрозаводске»²⁷². Неудивительно поэтому, что на содержание храма у горожан не хватает

²⁷⁰ *Иоанн, иеромонах.* Религиозно-нравственные чтения на Голиковке // ОЕВ. 1911. № 5. С. 83.

²⁷¹ *Сорокин В.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 121.

²⁷² Отцам депутатам очередного съезда духовенства 1911 г. // ОЕВ. 1911. № 21. С. 367.

средств, а это отражается на состоянии главного церковного здания епархии: «собор пришел в упадок, мрачен, неблагоустроен, в зимние холода быть продолжительное время на богослужении в нем прямо вредно для здоровья»²⁷³. Отсутствие средств отражалось и на состоянии ризницы: «при торжественных служениях стыдно выходить на средину храма перед губернатором и другими представителями власти; дело дошло до того, что не стало ни одного более или менее сносного комплекта облачений для архиерейских служений, а то все — рвань и грязь»²⁷⁴. Выводы статьи демонстрировали провал амбициозных архитектурных решений: «краса края», Святодуховский собор, может стать притчей во языцех, «за которую придется краснеть» как служителем храма, так и местным жителям²⁷⁵.

Олонец. Совсем по-иному складывалась религиозная жизнь Олонца — города, давшего название епархии. В XVIII в. на территории всей Олонецкой епархии (как в городских, так и в сельских приходах) служили священники, за плечами которых была лишь учеба «при отцах своих» (город Олонец здесь не был исключением). В XIX в. ситуация радикально изменилась. По данным «Ведомости об Олонецкой градской соборной церкви за 1834 г.», в Олонце служили выпускники Новгородской, Вологодской и Архангельской духовных семинарий, Олонецкого уездного училища. У некоторых местных священников имелся значительный опыт преподавания в духовных учебных заведениях²⁷⁶. Так, настоятель Олонецкого Николаевского собора М.А. Прилежаев после окончания в 1843 г. Олонецкой духовной семинарии был направлен в Петрозаводское духовное уездное училище преподавателем греческого языка, арифметики и нотного пения и лишь в 1847 г. «определен» к собору. Но уже в 1849 г. по распоряжению начальства стал одновременно законоучителем в Олонецком уездном училище²⁷⁷. Служащий при этом же соборе священник И.И. Светлов в 1840 г. был определен в Свирское духовное училище, в котором, не оставляя собор, преподавал в течение 25 лет²⁷⁸.

Неудивительно, что на олонецких священников возлагались самые разнообразные обязанности, порой лишь косвенным образом

²⁷³ Там же, с. 368.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же, с. 369.

²⁷⁶ НА РК, ф. 257, оп. 1, д. 1/14, л. 6, об., 10, об., 11, об. (Ведомость об Олонецком Николаевском соборе за 1875 г.).

²⁷⁷ Там же, л. 6, об.

²⁷⁸ Там же, л. 10, об.

связанные с пастырской деятельностью. Так, настоятель Олонецкого Николаевского собора протоиерей М.А. Прилежаев длительное время (с 1849 по 1853 г.) являлся присутствующим в Олонецком духовном правлении, а после закрытия правления в 1854 г. был «определен членом в Олонецкий оспенный комитет». С 1869 г. он же по распоряжению директора училищ Олонецкой губернии безвозмездно исполнял должность смотрителя училищ. Священник И.И. Светлов с 1870 г. по момент составления ведомости (т.е. к 1874 г.) оставался «увещателем арестантов»²⁷⁹. К исполнению разнообразных должностей привлекались не только сами священники, но и их супруги. Так, по данным 1874 г., жена исполняющего обязанности псаломщика «запрещенного», т.е. временно отстраненного от священнической должности А.Н. Аверинева, с 1845 г. по момент составления отчета «проходила должность надзирательницы» при Каргопольском духовном девичьем училище²⁸⁰.

Существенным фактором приходской жизни в XIX—начале XX в. оставалось обеспечение духовенства. Церковные власти стремились к тому, чтобы повсеместно в России духовенство получало жалованье и таким образом обрело относительную независимость от прихожан в материальных вопросах. Реальность вносила существенные коррективы в эти планы. Одним из главных источников средств к существованию для духовенства, как в древности, оставалась земля. В частности, при Олонецком Николаевском соборе в XIX—начале XX в. состояло «сенокосной земли» 15 десятин, «неудобной и поросшей лесом». Вместо пашенной земли прихожане обязывались выплачивать духовенству жалованье (ругу) из собственных средств²⁸¹. В отличие от некоторых других приходов Олонецкой епархии жалованья из казны причт олонецких церквей не получал, но денежные средства в его пользу поступали за счет процентов с «государственных непрерывно доходных билетов», оставленных по духовным завещаниям олонецких, петербургских, петрозаводских купцов и мещан с условием «вечного поминовения их родственников», а также «их самих по смерти». Общий доход от всех вложений по состоянию на 1875 г. составлял 122 рубля 38 копеек²⁸².

Помимо взаимоотношений с духовенством, другой существенной заботой олонецких прихожан стали приходские храмы — церкви

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же, л. 13 об.

²⁸¹ Там же, л. 1.

²⁸² Там же, л. 2.

и часовни. Главенствующее положение в городе имел Олонецкий Николаевский собор, построенный в 1630 г. вместо сожженной «немецкими людьми» (вероятнее всего, шведами) церкви на находящемся в черте города о. Мариам²⁸³. Приписными к собору в течение всего XIX в. оставалась каменная церковь во имя Смоленской Божией Матери, построенная в 1828 г. на средства прихожан – «собранную от общества по зборным книгам» сумму». Следующей приписной церковью была кладбищенская Успенская церковь, построенная «тщанием олонецких граждан» в 1788 г. и снабженная «нужною утварью от собора». И, наконец, третьей приписной к Николаевскому собору являлась церковь во имя Казанской Божией Матери, возведенная в 1779 г. «тщанием» титулярного советника Р.П. Романова. Помимо главной, соборной, церкви в городе находилась церковь во имя Архангела Михаила, построенная в 1672 г. стрельцами, и приписная к ней церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери²⁸⁴. К концу XIX в. большинство храмов Олонца оказались в плачевном состоянии, а церковное благолепие оставляло желать лучшего. По описанию современника событий К.К. Случевского, в соборе во имя Смоленской Божией Матери «нельзя не заметить древности икон, украшающих храм по множеству; они вообще довольно мелки, несомненно принадлежали когда-то другому, несуществующему храму». Другие городские церкви, по данным того же источника, находились в еще более плачевном состоянии. Так, Никольская церковь и храм Тихвинской Божией Матери «простоят едва ли долго и приходят в ветхость не по дням, а по часам»²⁸⁵.

В организации строительства церквей и обеспечения их всем необходимым для богослужений сходство между городскими и сельскими приходами оставалось в течение всего изучаемого периода вполне ощутимым. Сохранившиеся дела о строительстве церквей свидетельствуют, что инициатива в этом вопросе, а также финансирование возведения храма иногда зависели от «самопроизвольного желания» прихожан. Так, например, приписная к Николаевскому собору кладбищенская церковь во имя Успения Божией Матери была возведена в 1788 г. «тщанием прихожан»²⁸⁶. Большинство церквей, находившихся в XIX в. в Олонце, построены еще в XVII–XVIII в., и подробные сведения об обстоятельствах

²⁸³ Древний Олонец. Петрозаводск, 1994. С. 67.

²⁸⁴ НА РК, ф. 257, оп. 1, д. 1/14, л. 22.

²⁸⁵ Случевский К.К. По северо-западу России. Т. 2. По западу России. СПб., 1897. С. 328, 331.

²⁸⁶ НА РК, ф. 257, оп. 1, д. 1/14, л. 4 об.

их возведения не сохранились. Но «поновление» этих храмов вполне вписывается в основные закономерности, присущие строительству церквей на всей территории Олонецкой епархии. Так, церковь во имя Святителя Николая, построенная в 1630 г., была «возобновлена» (капитально отремонтирована) на средства купца Василия Федорова в 1856 г., а приписная к ней церковь во имя Успения Божией Матери – в 1862 г., благодаря тому же жертвователю, «поднята на каменный фундамент»²⁸⁷.

Типичной чертой как городских, так и сельских приходов в Олонецкой епархии стала сложная территориальная структура: наличие часовенных приходов со своим кругом годовых праздников. Подавляющее большинство часовен построено в прилегающих к Олонцу деревнях и связано с удовлетворением религиозных потребностей крестьян, проживающих на относительно большом (несколько верст) расстоянии от приходской церкви. К концу XIX в. часовни имелись в деревнях Эройле (Покрова Пресвятой Богородицы), Седоксе (вмч. Георгия), Княжлицах (вмч. Дмитрия). В 1880 г. к их числу добавилась часовня во имя Святого Александра Невского, построенная непосредственно в центре Олонца, на городской площади, на средства проживающего в Олонце Санкт-Петербургского купца К. Чертова в память об «избавлении государя императора от руки злодея»²⁸⁸. Все перечисленные часовни оставались приписными к Николаевскому собору, и богослужение в них совершало духовенство главной церкви Олонца. Вырученные в ходе «свечной продажи» средства поступали в казну олонецкого храма.

Различия между городскими и сельскими приходами прослеживаются при изучении сословной, конфессиональной и этнической принадлежности горожан. Особенностью городских приходов стало значительно меньшее влияние на религиозную жизнь языкового барьера между клиром и паствой, в то время как в сельских приходах эта проблема сохраняла остроту на протяжении не только XVIII, но и XIX в. Но и в приходе Олонецкого Николаевского собора духовенство испытывало проблемы в общении со значительной частью паствы. Судя по донесениям священников у прихожан-карелов, проживающих в Олонце, к середине XIX в. еще сохранялось «недостаточное знание истин веры и заповедей, многие из них не знают никаких молитв, кроме краткой молитвы Иисусовой»²⁸⁹. Священники, оценивая ситуацию, видели две основные причины слабого «усердия» карелов «к

²⁸⁷ НА РК, ф. 257, оп. 1, д. 1/14, л. 4 об.

²⁸⁸ Там же, д. 1а/64, л. 5.

²⁸⁹ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 35/45, л. 197, об. (О состоянии Олонецкого Николаевского собора за 1854 г.)

посещению церкви Божией и к исполнению христианского долга исповеди и святого причастия». Первая состояла в «непонимании карелами важности и значения церковных служб, отправляемых не на родном карельском языке», а вторая – в «издавна существующих в городе Олонце базарах по воскресным и праздничным дням, когда и осуществляются основные богослужения»²⁹⁰.

Судя по клировым и исповедным ведомостям, а также доношениям священников, в городах менее заметно влияние старообрядчества, составлявшего серьезную проблему для пастырской деятельности духовенства в сельских приходах. Это вовсе не означало того, что города полностью избежали влияния «древлего благочестия». В Олонце ситуация несущественно отличалась от положения, характерного для значительной части епархии. По замечаниям местных священников, прихожане «в большей или меньшей степени заражены мнениями раскольническими». Церковники Олонца признавали, что в конкуренции со старообрядческими наставниками они явно проигрывают: «редкие из прихожан обращаются к духовным лицам за советами и наставлениями, а, как зараженные духом раскола, более привержены к лицам, придерживающимся старины и раскола». Влияние старообрядчества на олонечких прихожан проявилось и в немногочисленности посещающих церковь. Местное духовенство объясняло отсутствие верующих на литургии деятельностью «хитрых расколуучителей, посеявших в народе мысль о достаточности домашней молитвы для спасения человека»²⁹¹. Принимаемые духовной и светской властями энергичные меры позволили улучшить ситуацию. За годы репрессий 1830-х гг. численность старообрядцев в Олонце значительно снизилась, «сойдя к концу века на нет»²⁹².

И, наконец, важным критерием, отличающим городские приходы от сельских, является расстояние между церковью и приходскими селениями. Известно, что клир сельских приходов регулярно объезжал удаленные от церкви селения, совершая церковные обряды со значительным опозданием, после свершившихся событий (в частности погребения). Эта характерная черта религиозной жизни сельских приходов не прижилась в городе, где прихожане располагали более благоприятными возможностями для частого посещения церкви. Так, по

²⁹⁰ Там же, оп. 2, д. 25/1682, л. 197, об. (О состоянии церковью Олонечкой епархии в 1893 году).

²⁹¹ Там же, оп. 1, д. 35/45, л. 3, об.

²⁹² *Ружинская И.Н.* Старообрядчество городов Олонечкой губернии в XIX в., с. 59.

данным из «сведений» о состоянии Олонецкого Николаевского собора, подготовленных в 1854 г., приход главного олонецкого храма «расположен только в 5-ти верстах и сообщение везде и во всякое время удобное»²⁹³. Но и в таких вполне благоприятных условиях основу религиозной жизни составляло не богослужение, а внешние, не требующие особых усилий проявления религиозности. Об этом свидетельствует описание прихода Олонецкого собора: «Жизнь прихожан совершенно не одобрительна и не отличается строгим благочестием», но в то же время олончане, по наблюдению церковников, «мимо церкви, часовен и крестов не пройдут без крестного знамения». Создатели описания приходов города Олонца подметили и другую типичную черту набожности местных жителей. В описании прихода говорится: «Сословие купцов, мещан и крестьян хотя строго соблюдает посты, в воскресные и праздничные дни, однако холодно к богослужениям церковным»²⁹⁴.

Каргополь бесспорно являлся самым древним городом епархии. По горестному замечанию современника событий, расцвет города остался в далеком прошлом: «XVI век был самым лучшим временем для жителей Каргополя»²⁹⁵. Интенсивное строительство церквей в нем, начатое еще во времена средневековья, к изучаемому периоду принесло ощутимые плоды. По данным XIX в., нашедшим отражение в ежегодных отчетах олонецких епархиальных архиереев, а затем и в современной литературе, Каргополь являлся особым городом с точки зрения церковной статистики. Так, в отчете епископа за 1870 г. указывалось, что «избыток церквей усматривается в одном городе Каргополе, в котором на 2789 душ обоего пола имеется приходских церквей 8. <...> Напротив, недостаток церквей ощутим во многих приходах епархии»²⁹⁶. Аналогичные наблюдения содержались и в отчете за 1900 г.: «Здесь (в Каргополе. — М.П.) все церкви каменные, солидной постройки, издавна более или менее обеспечены в своем существовании вечными вкладами, а в настоящее время местное купечество усердно заботится о содержании этих церквей в целости и надлежащем благолепии». К началу XX в. в городе насчитывалось 16 церквей (не считая двух домовых и

²⁹³ НА РК, ф. 25, оп. 2, д. 25/1682, л. 2.

²⁹⁴ Там же, л. 6.

²⁹⁵ *Докучаев-Басков К.А.* Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI–XIX вв. М., 1900. С. 3.

²⁹⁶ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 383, л. 10, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г.).

кладбищенской), а также два монастыря²⁹⁷. Некоторые из этих церквей оставались приписными и не имели собственных приходов²⁹⁸.

Но столь огромное количество церквей при относительно небольшом числе горожан создавало существенные трудности в поддержании «благолепия». Ведь именно на приход возлагалось основное бремя расходов, связанных с обеспечением церкви и причта. В архиве консистории сохранились многочисленные дела, свидетельствующие о бедности приходских храмов и белого духовенства. Так, в 1809 г. церковный староста купец Андрей Солодягин на собственные средства закупал свечи, муку, ладан и вино для нужд Каргопольского Христорождественского собора, поскольку в церковной казне отсутствовали необходимые для этого деньги²⁹⁹. В 1873 г. причту Каргопольской Благовещенской церкви с большим трудом удалось добиться ремонта печи, «давно уже построенной». В этой церкви, предназначенной для богослужений в зимний период, «в морозы бывает так холодно, что во время совершения таинства пальцы в руках остаиваются»³⁰⁰.

На беспросветную бедность обрекали себя те церковники, которые поступали на службу в каргопольские храмы. Так, по данным «Ведомости о церкви и причтах города Каргополя за 1854 г.», духовенству собора во имя Рождества Христова «постоянного оклада не получается, за исключением четырех рублей серебром»³⁰¹. В «Сведениях» о церквях и соборах города Каргополя за 1865 г. представлены аналогичные сведения о духовенстве Троицкой церкви: «священно- и церковнослужители, кроме добротного подаяния от прихожан за требоисправление, никакого постоянного оклада не получают; содержание их весьма скудно», «земли при церкви не имеется», «домов у

²⁹⁷ Галкин А.К. Монастыри Каргополя – родины св. митрополита Вениамина // Наследие монастырской культуры. Ремесло, искусство, искусство. СПб., 1998. Вып. 3. С. 19.

²⁹⁸ Пулькин М.В. Городские приходы Каргополя и монастырь: проблемы взаимодействия // Святые и святыни северно-русских земель. Каргополь, 2002. С. 181.

²⁹⁹ НА РК, ф. 25, оп. 16, Д. 18/83, л. 1 (Дело по прошению Каргопольского Христорождественского собора церковного старосты купца Андрея Солодягина).

³⁰⁰ Там же, оп. 4, д. 35/21, л. 1 (Дело об устройстве печи в Каргопольской градской Благовещенской церкви).

³⁰¹ Там же, оп. 15, д. 54/1182, л. 2 (Ведомости о церкви и причтах города Каргополя за 1854 г.)

священнослужителей не имеется по причине бедности»³⁰². Исправить ситуацию могли лишь добровольные пожертвования верующих. И они не замедлили появиться. Так, по данным 1875 г., каргопольский мещанин И.В. Хромулин, прихожанин Владимирской церкви города Каргополя, представил в местный храм государственный 5%-ный банковский билет «в поминование его жены и родственников с тем, чтобы половина процентов получалась на содержание причта сей церкви, а другая половина процентов была на церковные потребности»³⁰³. В этом же году «купеческая девица» Е.В. Терентьева приобрела для церкви 6%-ную облигацию, доход с которой должен был обеспечить ей «вечное поминование»³⁰⁴. Духовные проблемы, по сравнению с материальными, решались с еще большим трудом. По утверждению современника событий Ф.К. Докучаева-Баскова, каргопольские горожане не отличались особым благочестием. Жители редко посещают свои церкви, а «памятники благочестивой старины не гармонируют с настоящей житейской действительностью». Более того, «люди, воспитанные вчуже этих храмов, ходят по своим дорогам — ищут своих интересов. Волна народная касается церковных стен большею частью лишь в торжественные праздники, венцы, богатые похороны». В обычные дни на церковной службе встречаются лишь нищие³⁰⁵. Стечение народа в одной из приходских церквей «бывает только в дни празднования Владимирской иконе, в остальные праздники никого не бывает»³⁰⁶.

Состояние дел в городских приходах, как видно из приведенного материала, хотя и отличалось от сельских приходов в лучшую сторону, но все же не было блестящим. Специфической чертой религиозной жизни в Каргополе стало взаимодействие прихода и монашеской обители, расположенной непосредственно в городе. Один из каргопольских монастырей, женский, оставался замкнутым мирком, а другой, мужской, постепенно приобретал все большее значение в духовной жизни епархии. Но в середине XIX в. его роль была скромной. Монастырь оставался хранителем многовековых духовных традиций, но его экономическое значение

³⁰² НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 74/42, л. 1 (Сведения о церквях и соборах города Каргополя за 1865 г.).

³⁰³ Там же, ф. 25, оп. 4, д. 37/1, л. 40 (Дело о пожертвованиях в церкви и монастыри в 1875 г.).

³⁰⁴ Там же, л. 58.

³⁰⁵ Докучаев-Басков Ф.К. Каргополь. Архангельск, 1996. С. 21.

³⁰⁶ Докучаев-Басков К.А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI—XIX вв., с. 42.

и, самое главное, влияние в округе стало стремительно сокращаться. В 1865 г. составлены «сведения» о его состоянии, в которых подробно охарактеризована ситуация как в хозяйственной, так и в духовной сферах. В документе указывалось, что «богослужение в монастыре совершается по общему чиноположению церкви с точностью без поспешности <...> службы Божии совершаемы были в положенное время неупустительно и каждодневно несмотря на ощутительную скудость кружечного и свечного доходов». Но горожане часто игнорировали монастырскую церковь: «посетителей святого храма не только в простые, но даже и в воскресные и праздничные дни весьма мало было»³⁰⁷.

Ослабление духовного авторитета монастыря немедленно отразилось на его материальном положении. В «сведениях» о состоянии монастыря указывалось, что хозяйство монастыря «большею частию состояло в обработке земли». Городское начальство не только не оказывало монастырю содействия, но и попыталось уничтожить принадлежащий ему мост, связывающий монастырь с земельными угодьями. Как говорилось в документе, «мост, принадлежащий монастырю, через реку Онегу очень старый и ветхий». Поэтому «гражданское начальство, изыскивая права, хочет вовсе монастырский мост уничтожить, не обращая внимания на то, что монастырь на другой стороне реки имеет обширное хозяйство»³⁰⁸. В этих условиях единственным спасением для монастыря стал поиск благотворителей. В России XIX в. нередко бывало так, что, «имея щедрых и безотказных жертвователей, монастырь расцветал. Не имея таковых, приходил в упадок»³⁰⁹.

В значительной мере существование монастыря в этот период поддерживали не каргопольские горожане, а иногородние благотворители. В начале XIX в. немалую помощь каргопольским монастырям оказал местный уроженец, санкт-петербургский купец Иван Петрович Белоусов. В мужском монастыре он построил несколько келий для послушников, а в женском – три каменных дома для беднейших сестер³¹⁰. Сохранились подробные сведения о лицах, поддержавших

³⁰⁷ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 70/6, л. 2 (Сведения о состоянии Спасо-Каргопольского монастыря за 1865 г., составленные применительно к указанию предметов ежегодного донесения епархиального преосвященного архиерея о состоянии епархии).

³⁰⁸ Там же, л. 5, об.

³⁰⁹ *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. М., 1999. С. 79.

³¹⁰ *Галкин А.К.* Монастыри Каргополя – родины св. митрополита Вениамина, с. 26.

каргопольские монастыри в трудные времена. Это довольно объемный список, включающий знаменитых в России лиц благородного происхождения (например, кн. А.Г. Белосельская-Белозерская), известных купцов, немало сделавших и для других монастырей (И. Малокрошечный), а также многих лиц духовного звания. Общая сумма собранных средств к 1887 г. составила 29 599 руб³¹¹. Но они не смогли изменить неблагоприятные тенденции в развитии монастыря. В 1876 г. епархиальное начальство предложило закрыть Спасо-Каргопольский монастырь в связи с «малолюдностью», но эта инициатива не нашла поддержки в Синоде³¹².

Возрождение значения Спасо-Каргопольского монастыря связано с общим оживлением религиозной жизни епархии в начале XX в. С 1900 г. в монастыре начали проходить миссионерские курсы. Как говорилось в отчете, «причиной их устройства было, с одной стороны, сознание недостаточности обычного состава миссии и в увеличенном виде для борьбы с существующим в епархии расколом, а с другой – желание привлечь к этой борьбе лиц из простого народа, целью же – сообщение последним необходимых сведений по истории и обличению раскола, ознакомление с лучшими приемами полемики с расколом»³¹³. Главной причиной открытия курсов стало «желание привлечь к борьбе с расколом лиц из среды простого народа»³¹⁴. В 1905 г. традиция продолжилась, и вновь местом проведения курсов стал Спасо-Каргопольский монастырь. Обитель не могла обойтись при проведении курсов собственными силами. Руководителем курсов стал епархиальный миссионер, священник Д. Островский, а лекторами – окружные миссионеры. Сам факт проведения учебных занятий в Спасо-Каргопольском монастыре повышал статус обители³¹⁵.

Необходимость в курсах была напрямую связана с потребностями религиозной жизни Каргополя. Сильные позиции старообрядцев в

³¹¹ НА РК, ф. 25, оп. 4, д. 49/20, л. 7–9 (Ведомость о процентных бумагах, находящихся в Каргопольском Успенском женском монастыре).

³¹² РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 888, л. 8. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1880 г.).

³¹³ НА РК, ф. 25, оп. 14, д. 62/6, л. 5. (Отчет о миссионерских курсах в г. Каргополе).

³¹⁴ *Плотников К.* Отчет о миссионерских курсах в г. Каргополе при Спасо-Преображенском монастыре // ОЕВ. 1900. № 24. С. 837–838.

³¹⁵ *Здравомыслов А.* Миссионерские курсы, четвертые в Олонецкой губернии, вторые в Каргопольском уезде // Там же. 1905. № 1. С. 10

Каргополье отражены в источниках конца XVII в.³¹⁶. Но в дальнейшем влияние старообрядцев здесь ослабевало. Тем не менее в XIX в. некоторое воздействие на духовную жизнь оказывали старообрядцы-странники³¹⁷; сохраняли заметное влияние представители даниловского и филипповского толков³¹⁸. В числе факторов, благоприятствующих старообрядческому влиянию, современники видели «приверженность к «расколу» людей богатых, в основном торговых и промышленных», «многие беды от сношений раскольников с единоверцами Санкт-Петербурга, Москвы», «небрежение властей, кои сами порой потворствуют расколу»³¹⁹. Из приведенного перечня видно, что старообрядчество опиралось на внешние по отношению к религиозной жизни причины. Поэтому можно утверждать, что в целом позиции старообрядчества в г. Каргополе были довольно слабыми. Так, Каргополь оставался единственным из городов Олонецкой епархии, где отсутствовали старообрядческие моленные, а численность местных городских приверженцев «древлего благочестия» была минимальной и имела тенденцию к сокращению. В 1817 г. в Каргополе проживало 15 старообрядцев, в 1861 г. их стало 13, а к более-менее благоприятному для «раскола» 1897 г. численность учтенных старообрядцев в городе сократилась до 1 человека³²⁰.

Статистические данные необходимо воспринимать со следующей корректировкой. Некоторые жители Каргополя, втайне симпатизирующие старообрядцам, соблюдали конспирацию: «для крещения новорожденных хотя и приглашают православных священников, но это делается только из видов, чтобы избежать взыскания со стороны местного начальства, вскоре младенцы перекрещиваются сектаторами и

³¹⁶ Юхименко Е.М. Каргопольские «гари» 1683–1684 гг. (к проблеме самоожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России. М., 1994. С. 120–138.

³¹⁷ Подробные сведения об этом сохранились в записке Д.М. Березнина, преподавателя Каргопольского духовного училища, посвященной истории и современному состоянию странничества в Каргопольском крае. (См.: НА РК, ф. 25, оп. 14, д. 61/20, л. 2–12).

³¹⁸ НА РК, ф. 25, оп. 13, д. 5/89, л. 176. (Краткий очерк всех действий и успехов миссионера священника Петра Мишурина против раскольников в Каргопольском и Пудожском уездах в 1866 г.). См. также: Кулишова С.В. Деятельность противораскольнической миссии в Каргопольском уезде // Старообрядческая культура Русского Севера. М.; Каргополь, 1998. С. 35–36.

³¹⁹ НА РК, ф. 25, оп. 2, д. 16/83, л. 45.

³²⁰ Ружинская И.Н. Старообрядчество городов Олонецкой губернии в XIX в., с. 59.

воспитываются в правилах своих родителей». Один из старообрядческих наставников даже тайком устроился в Каргопольский Успенский женский монастырь рубить дрова, «с надеждою поколебать и там православие», но был изобличен и выгнан настоятельницей³²¹. И все же проведение миссионерских курсов в Каргопольском Спасо-Преображенском монастыре стало признанием особой духовной роли этой обители, а не являлось признанием слабости «противораскольнической» работы в этой части Олонецкой епархии.

Епархиальная печать с гордостью указывала на благоприятные изменения в жизни Спасо-Каргопольского монастыря. «Внешняя и внутренняя сторона самой обители и жизни ея обитателей в настоящее время, благодаря энергии нынешнего настоятеля о. Владимира, строго держащегося устава и порядка монастырского, начинает возрождаться, обновляться, возвышаться, делаться более оживленною»³²². Из репортажа, посвященного храмовому празднику в монастыре, предстает благостная картина преодоления былых противоречий: «в праздник обитель с самого утра оживилась, потянулись со всех концов к ней вереницами пешие богомольцы, и экипаж за экипажем подкатываются к воротам св. обители». По окончании молебна «вышел из монастырского храма крестный ход, который, обойдя кругом монастыря с разстановками и пением канона праздника, у св. ворот встретился с городским крестным ходом, приходящим в монастырь из собора г. Каргополя ежегодно в два храмовые монастырские праздника Преображения и Сретения Господня». После соединения крестных ходов вся масса богомольцев направилась в монастырский храм, где была совершена Божественная литургия³²³. Завершился праздник и вовсе идиллической картиной: богомольцам была предложена трапеза в монастыре, а «духовенство и начальствующие города Каргополя были приглашены в настоятельские келлии на обед»³²⁴.

В 1911 г. в Каргополе «в целях миссионерских» появился собственный викарий, местом пребывания которого стал монастырь. Новый статус обители не привнес существенных изменений в повседневную жизнь. Один из паломников, посетивших монастырь в 1915 г., писал: «Монастырь живет замкнутой жизнью, как оно и должно быть, вдали от

³²¹ НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 53/1149, л. 2 (Подробная записка о состоянии раскола в Каргопольском уезде).

³²² Празднование дня Преображения Господня в Каргопольском Спасо-Преображенском монастыре в 1905 году // ОЕВ. 1905. № 19. С. 565.

³²³ Там же, с. 567.

³²⁴ Там же.

городского шума, мирской суеты, живет трудовой, мирной и духовной жизнью»³²⁵. В то же время каргопольский викарий сразу же приступил к активной деятельности. Значительную часть времени он проводил в поездках по обзору приходо-монастырских дел вверенной ему части Олонецкой епархии, занимался организацией пастырских собраний и церковно-приходских советов «для оживления приходской жизни, для возрождения прихода и для устранения замечаемой в последнее время чуждаемости между приходским пастырем и прихожанами»³²⁶.

Отметим, что рост влияния Спасо-Каргопольского монастыря, даже на фоне общего ослабления интереса к Церкви, стал частью общероссийской тенденции. В отчете обер-прокурора Синода за 1911–1912 гг. подчеркивалась благоприятная для Церкви тенденция в отношении православного населения империи к монастырям. Число святых обителей с 1902 по 1912 г. увеличилось с 791 до 914. При этом новые общины возникали «в громадном большинстве случаев по инициативе самого населения и на средства благочестивых благотворителей». Возрастало значение существующих, имеющих многовековую историю монастырей: «святые монастыри — люди и чудотворные иконы <...>, создававшиеся в последнее время проповеди за службами, особые назидательные беседы некоторых иноков с богомольцами перед исповедью и причащением, <...> главное же — возможность сосредоточенно поговорить, помолиться, подумать о спасении, очистить свою совесть на исповеди — все это привлекает в монастырь множество богомольцев, особенно в посты»³²⁷. Благотворное влияние монастыря на духовную жизнь города стало очевидным современникам. Местное начальство с гордостью указывало на особую религиозность местных жителей: «Благочестивое настроение народонаселения в городе Каргополе, существующее издревле, и ныне не изменилось. Большое стечение народа в церкви бывает преимущественно по храмовым праздникам и особенно при крестных ходах»³²⁸.

Таким образом, в течение столетия религиозная жизнь Каргополя претерпевала серьезные изменения, в основе которых лежала своеоб-

³²⁵ Каргопольский Спасо-Преображенский, викариатский ныне, монастырь // Там же. 1915. № 20. С. 372.

³²⁶ Там же, с. 374.

³²⁷ Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913. С. 104.

³²⁸ НА РК, ф. 25, оп. 1, л. 60/1, л. 196, об. (Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан по благочинию каргопольских градских церквей за 1879 г.).

разная конкуренция между городом и монастырем за преобладание в церковных вопросах. На протяжении XIX в. основную роль в Каргополе играли церковные приходы. На белое духовенство возлагались главные на тот момент задачи: совершение церковных таинств и организация повседневного богослужения. В начале XX в. ситуация претерпела существенные изменения. Отныне немаловажной задачей Церкви становится организация миссионерской деятельности, для совершенствования которой в Каргополе возникло новое викариатство, размещенное в Спасо-Каргопольском монастыре. Это решение епархиального начальства заметным образом изменило религиозную жизнь; отныне городской монастырь стал важным духовным и церковно-административным центром.

В *Повенце* наблюдались сходные с прочими городами Олонецкой епархии противоречивые тенденции. Бедность клириков и существенные проблемы, сохраняющиеся в строительстве церквей, сочетались с амбициозными планами преобразования духовной жизни на новых, более просвещенных основах. Постепенно росла образованность городского духовенства. По сравнению с XVIII—началом XIX в. к середине столетия ситуация в этой сфере заметно изменялась. Уже по данным 1857 г., все священно- и церковнослужители Повенца имели дипломы духовных учебных заведений, а служивший в это же время при Повенецком соборе А. Корбозерский намеревался «посвятить себя ученой жизни» и «ожидал случая поступить в Духовную академию»³²⁹. У некоторых священников города Повенца имелся довольно значительный опыт преподавания в духовных и светских учебных заведениях. Так, настоятель Повенецкого собора протоиерей Иоанн Шустов некоторое время преподавал греческий язык в Петрозаводском духовном училище, арифметику и геометрию в епархиальном женском училище³³⁰. Другой протоиерей, предшественник Иоанна Шустова, Иоанн Модестов после окончания семинарии «исправлял должность» регента архиерейского хора, а затем стал законоучителем Петрозаводской Мариинской женской гимназии³³¹. Все эти назначения отражали высокий уровень эрудиции и богословской подготовки

³²⁹ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 66/16, л. 3 (Акты обследования Повенецкого Петропавловского собора).

³³⁰ Там же, оп. 16, д. 29/320, л. 5, об. (Ведомость о церкви, состоящей в городе Повенце Олонецкой епархии за 1916 г.).

³³¹ Там же, оп. 2, д. 25/1682, л. 240, об. (Сведения о состоянии Повенецкого Петропавловского собора с приписными к нему двумя церквями и о причте сего собора).

повенецких священнослужителей. Неудивительно, что на городское духовенство возлагались самые разнообразные обязанности, порой лишь косвенным образом связанные с пастырской деятельностью. Так, к 1893 г. протоиерей Повенецкого собора являлся благочинным повенецких градских церквей, законоучителем Повенецкого градского двухклассного училища и женского земского училища, директором Повенецкого тюремного отделения, членом Повенецкого уездного училищного совета, а также председателем совета Повенецкого отделения Александро-Свирского братства³³².

Помимо взаимоотношений с духовенством, другой существенной заботой повенецких прихожан и важной составляющей религиозной жизни Повенца стали приходские храмы – церкви и часовни. Главенствующее значение в городе имел деревянный Петропавловский собор, построенный в 1703 г. Приписными к нему церквями являлись одноименная церковь, возведенная в 1600 г., как говорилось в документах консистории, «схимонахом Анфимом и новгородскими купцами»³³³. К середине XIX в. старая церковь производила жалкое впечатление – «ветхая до последней степени. Иконостаса вовсе нет никакого, иконы поставлены одна на другую и прикреплены к шести брускам, вертикально стоящим во всю высоту от пола до потолка»³³⁴. В 1893 г. к числу городских церквей добавилась перестроенная из часовни кладбищенская церковь во имя Успения Божией Матери³³⁵.

В организации строительства церквей и обеспечения их всем необходимым для богослужений сходство между городскими и сельскими приходами было более ощутимым. Сохранившиеся дела о строительстве церквей свидетельствуют, что инициатива в этом вопросе, а также финансирование возведения храма целиком зависели от «самопроизвольного желания» прихожан³³⁶. К середине XIX в. возведение храма в Повенце стало одной из главных забот

³³² Там же, оп. 20, д. 28/312, л. 2, об. (Клировые ведомости Повенецкого Петропавловского собора за 1890 г.)

³³³ Там же, оп. 16, д. 60/3, л. 4 (Указание по Повенецкому Петропавловскому собору за 1851 г.).

³³⁴ Там же, ф. 25, оп. 16, д. 66/16, л. 5 (Акты обследования Повенецкого Петропавловского собора).

³³⁵ Там же, оп. 2, д. 25/1682, л. 239 (Сведения о состоянии Повенецкого Петропавловского собора с приписными к нему двумя церквями).

³³⁶ Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV–первая треть XX в.). М., 1999. С. 97.

местной духовной власти, которая уповала исключительно на добротство горожан. Так, упоминание о плачевном состоянии Повенецкого собора содержится в одном из ежегодных донесений о состоянии Олонецкой епархии, представленном в Синод. «В городе Повенце, – говорилось в отчете архиерея, – давно не имеют приличного соборного храма, ныне таковой строится, хотя деревянный, но приличный»³³⁷. Вопрос о строительстве нового храма в Повенце был поставлен в 1857 г., когда «градское общество подписанием обязалось вывезти безденежно на постройку собора из градской дачи около 400 дерев»³³⁸. Для решения всех текущих вопросов была создана комиссия в составе городничего, нескольких мешан, соборного священника и церковного старосты.

В задачи сформированной духовными властями по этому случаю комиссии входило, во-первых, избрание «благонадежного и способного человека для принятия и хранения материалов, имеющих поступать на постройку церкви». Во-вторых, комиссия обязывалась вести книги для записи поступающих пожертвований. В-третьих, комиссия организовывала торги на право проведения работ и заключала контракты, представляя их затем на утверждение консистории. И, наконец, по окончании постройки церкви комиссия обязывалась «представить надлежащий отчет, с приложением книг и документов по постройке»³³⁹. Таким образом, вся текущая работа по строительству церкви перекладывалась на выборных из числа повенецких горожан, которые работали безвозмездно, но право надзора за их действиями консистория оставляла за собой. К началу 1860-х гг. храм построили и освятили. В начале XX в. в Повенце началось строительство нового трехпрестольного деревянного храма «на средства, отпущенные городским управлением из общественных сумм»³⁴⁰. К 1908 г. «тщанием причта и прихожан на сумму, отпущенную городским управлением в количестве 20 000 рублей и до 8000 рублей церковных сумм» был построен третий в истории Повенца Петропавловский собор, деревянный, на каменном фундаменте, с престолами

³³⁷ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 61, л. 14, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1861 г.)

³³⁸ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 66/16, л. 18, об. (Акты обследования Повенецкого Петропавловского собора).

³³⁹ Там же, л. 19.

³⁴⁰ Там же, оп. 20, д. 9/96, л. 186 (Отчет благочинного Повенецкого Петропавловского собора).

во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла, Рождества Христова, святого Николая Чудотворца и Алексея, митрополита Московского³⁴¹.

Новопостроенные храмы стали центрами крупного, по местным меркам, городского прихода. Типичной чертой как городских, так и сельских приходов в Олонецкой епархии стала сложная территориальная структура: наличие часовенных приходов со своим кругом праздников и особой ролью в религиозной жизни. Довольно часто часовни были своеобразными филиалами приходской церкви или, точнее говоря, теснейшим образом связанными с ней пунктами исполнений обрядов, нерегулярных богослужений и свечной продажи. Подавляющее большинство часовен было построено в прилегающих к Повенцу деревнях, являющихся, как это нередко бывало в Олонецкой епархии, частью городского (в данном случае – Повенецкого) прихода. Их возведение обуславливалось удовлетворением религиозных потребностей крестьян, проживающих на довольно большом – в несколько верст – расстоянии от приходской церкви. К концу XIX в. в непосредственной близости (до 1 версты) от повенецкого Петропавловского собора располагались шесть часовен: две часовни во имя Николая Чудотворца, святых апостолов Петра и Павла и великого князя Александра Невского, часовня во имя Архистратига Михаила, расположенная в Габсельге, относящейся в это время к Повенецкому приходу, а также часовня во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, находившаяся непосредственно в городе³⁴².

Как в городских, так и в сельских храмах в XIX–начале XX в. клир совместно с церковными старостами, избираемыми прихожанами, осуществлял контроль над поступлением, сохранностью и расходованием «церковной денежной казны». Основные источники формирования приходской казны в городе и в деревне также не различались. Доходы приходских церквей складывались из «доброхотного подаяния» от прихожан, а также из денег, вырученных в ходе «свечной продажи», происходившей как в самом соборе, так и в расположенных неподалеку часовнях. Различия прослеживаются лишь в размерах бюджетов городских и сельских храмов. В казне сельской приходской церкви было несколько десятков рублей, а в казне городской –

³⁴¹ Ведомость о церкви, состоящей в городе Повенце Олонецкой епархии за 1916 год. Л. 2; *Щеголев И.* Трехсотлетний юбилей первого Повенецкого храма // ОЕВ. 1900. № 13–14. С. 507.

³⁴² НА РК, оп. 20, д. 28/312, л. 2 (Клировые ведомости Повенецкого Петропавловского собора за 1890 г.)

несколько сотен. Обращает на себя внимание широкое распространение благотворительности городских жителей (главным образом, купцов). «Дела благотворительности» повенецких прихожан проявлялись в виде «подавания милостыни нищим», а также «принесением лепт своих в пользу местного храма»³⁴³. Более состоятельные вкладчики обеспечили Повенецкий Петропавловский собор необходимыми для «благолепия» ценными предметами. Так, Санкт-Петербургский купец П.А. Беляев передал для обустройства собора иконостас с 24 иконами «высокой работы», бронзовую вызолоченную люстру, два серебряных подсвечника и пять лампад, а также «разного рода сосновых досок 3183 штуки»³⁴⁴.

Различия между городскими и сельскими приходами прослеживаются при изучении сословной, конфессиональной и этнической принадлежности горожан. Материалы, связанные с Повенецким градским приходом, не содержат информации по данному вопросу. Судя по клировым и исповедным ведомостям, а также доношениям священников в городах было менее заметно влияние старообрядчества, составлявшее серьезнейшую проблему в сельских приходах. Но города полностью не избежали влияния «древлего благочестия». Первые сведения по данному вопросу датированы началом XIX в. Сенатор Д.О. Баранов в 1827 г. доносил императору о состоянии дел в Повенце: «...жители города, исключая служащих, почти все старообрядцы»³⁴⁵. Как показывают сведения из подробного описания Повенецкого прихода, составленного в 1851 г., в прошлом «прихожане податного сословия все более или менее были заражены даниловскою сектою, так что город, состоя около 40 домов, имел три домовые незначительные моленны и своих расколоучителей баб». Принятые меры (вероятнее всего, репрессивного характера) не прошли даром: «расколоучители бросили свое ремесло, и уже ни одного того или другого пола во всем городе явного раскольника не открывается»³⁴⁶.

По данным статистики (безусловно, не отражающей в полной мере остроту проблемы), в Повенце сложилась устойчивая тенденция к убыванию численности зарегистрированных старообрядцев. Из всех

³⁴³ НА РК, ф. 25, оп. 2, д. 25/1682, л. 241, об. (Сведения о состоянии Повенецкого Петропавловского собора).

³⁴⁴ Там же, ф. 25, оп. 16, д. 66/16, л. 138 (Акты обследования Повенецкого Петропавловского собора).

³⁴⁵ Там же, оп. 15, д. 7/153, л. 1–2 (Всеподданнейший рапорт сенатора Баранова).

³⁴⁶ Указание по Повенецкому Петропавловскому собору за 1851 год, л. 7.

городов Олонецкой епархии самым большим влиянием старообрядцы пользовались в Петрозаводске, Олонце и Вытегре (возможно, здесь просто был лучше поставлен выявление и учет приверженцев «древлего благочестия»). На долю этих трех городов к 1817 г. приходилось 80% горожан-старообрядцев от их общей численности по всей епархии³⁴⁷. После длительного периода гонений численность старообрядцев в Повенце сокращалась: от 51 официально зарегистрированного старообрядца в 1817 г. до 36, по состоянию на 1843 г., и до 17, по данным 1861 г. К 1897 г. в Повенце оставалось всего 5 старообрядцев, открыто заявляющих о своих убеждениях³⁴⁸. И, наконец, важным критерием, отличающим городские приходы от сельских, является расстояние между церковью и приходскими селениями. Известно, что клир сельских приходов вынужден был регулярно объезжать удаленные от церкви селения, совершая со значительным опозданием церковные обряды. Огромные (до 120 верст) расстояния между храмом и приходскими селениями, влияние старообрядчества, языковой барьер, разделяющий клир и значительную часть прихожан, способствовали длительному существованию в сельских приходах Олонецкой епархии такого явления, как «стихийная беспоповская практика» (т.е. исполнение церковных треб мирянами без участия клира). Эта характерная черта религиозной жизни сельских приходов не прижилась в городе, где прихожане располагали более благоприятными возможностями для посещения церкви.

Вместе с тем внимательный анализ всех обстоятельств религиозной жизни, характерных для городских и сельских приходов, показывает, что в городах Олонецкой епархии сложились немного более благоприятные, чем в сельской местности, условия для развития православного прихода. В частности, богослужения в церквях Повенца были значительно более регулярными, чем в сельских приходах. По свидетельству местного благочинного, «богослужение <...> совершалось ежедневно, равно молебствия и панихиды о высочайших особах в положенные по табели и по реестру дни отправлялись неупустительно». Кроме того, духовенство активно занималось проповеднической деятельностью: «пастыри церкви стараются при каждом случае назидать своих пасомых. <...> В соборе в течение года почти каждое воскресенье, праздничные и высокотожественные дни были произносимы с церковной кафедры проповеди, большею

³⁴⁷ Ружинская И.Н. Старообрядчество городов Олонецкой губернии в XIX в. // Старообрядчество: история, культура, современность, с. 59.

³⁴⁸ Там же.

частью своего сочинения, а иногда из книг, одобренных духовною цензурою»³⁴⁹. Постепенно церковное просвещение приносило плоды. Об этом свидетельствуют данные описания прихода, составленного повенецким благочинным в 1893 г. «Жители города Повенца, — писал священник, — обнаруживают свое благочестие частым хождением в церковь, особенно в дни воскресные и праздничные, а также и в высокаторжественные, служением молебнов, как по случаю радостных, так и скорбных событий в жизни, поминовением умерших и частым поднятием в дома свои из собора местной чтимой иконы Смоленской Божией Матери»³⁵⁰.

Пудож. Основные проявления религиозной жизни Пудожа, как и Повенца, практически полностью соответствовали особенностям церковного уклада сельской округи. Прежде всего в Пудожском приходе в XVIII—начале XX в. имелась лишь одна приходская церковь, в которой регулярно велось богослужение, и одна кладбищенская, богослужение в которой совершалось «причтом градской церкви преимущественно в летнее время в дни поминовения прихожан по просьбе родственников». Строительство церкви по имя Живоначальной Троицы в Пудоже с приделами во имя Святителя Николая Чудотворца и великомученика Георгия, завершенное в 1827 г., как и в сельских приходах Олонецкой епархии, велось за счет средств всех местных прихожан. Капиталы пудожского купечества оказались явно недостаточными для этой цели. Однако здесь имелась своя специфика. Перед строительством местные жители создали комитет, в который вошли основные должностные лица Пудожа. Существенный вклад в капиталы, предназначенные для возведения храма, внес российский император. Как видно из документов, он «всемилоостивейшее пожаловать изволил три тысячи рублей на достроение в городе Пудоже церкви, отпустил деньги сии из сумм Кабинета Его Величества»³⁵¹. Иные способы финансирования приходского храма характерны в большей мере для сельских приходов. Так, церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, расположенная в Водлозерском приходе, построена в 1870 г. на средства местных прихожан без какой-либо поддержки со стороны³⁵².

³⁴⁹ НА РК, ф. 25, оп. 2, д. 25/1682, л. 240 (Сведения о состоянии Повенецкого Петропавловского собора с приписными к нему двумя церквями).

³⁵⁰ Там же, л. 241.

³⁵¹ Там же, оп. 16, д. 35/98, л. 17 (Указ Новгородской духовной консистории).

³⁵² Там же, д. 44/56, л. 45 (Клировые ведомости).

Сходным с окружающими сельскими приходами оставалось стихийное строительство и размещение часовен. В Пудожском Троицком, как и в окружающих приходах, находилось значительное количество часовен, которые, во-первых, являлись своеобразными филиалами приходской церкви и, во-вторых, использовались для сбора дополнительных средств на нужды приходского храма. В ведении причта Пудожской приходской церкви находилось 15 часовен. В черте города или в непосредственной близости от него располагались деревянные Вознесенская, Духовская и Спасо-Преображенская часовни, а в причисленных к Пудожскому приходу деревнях — Сретенская (дер. Харловская), Георгиевская (дер. Истоминская), Предтеченская (дер. Гурьевская), Космодемьянская (дер. Новзимская), Ильинская (дер. Ужаковская), Макарьевская (дер. Уржаковская), Успенская (дер. Патракеевская), св. мучеников Флора и Лавра (дер. Подсосанская), Крестовоздвиженская (дер. Кожевская), Дмитриевская (дер. Палозерская), Пятницкая (дер. Сумозерская), Введенская (дер. Подпорожская). Столь значительная численность часовен характерна для Пудожского уезда. Например, в Водлозерском Пречистинском приходе имелось девять часовен, расположенных на расстоянии до 10 верст от приходского храма. Богослужение в этих часовнях совершалось приходским духовенством по праздникам. Одновременно здесь же происходил сбор «кошельковых» денег и свечная продажа. Так, благодаря празднеству в находящейся в черте города Вознесенской часовне приходская церковь получила в 1883 г. доход в размере 6 рублей 37 копеек, а от другой городской часовни в казну Троицкой церкви поступило 9 рублей. Не менее значимо и другое обстоятельство: на краткое время часовенных праздников деревня, в которой располагалась часовня, становилась своеобразным религиозным центром всей округи, и именно в ней разворачивались основные события духовной жизни. Этот аспект религиозной жизни объединял городские и сельские приходы как Пудожского уезда, так и других частей Олонецкой епархии.

Духовенству Пудожа в конце XVIII—начале XX в. приходилось иметь дело не только с горожанами, но и с обитателями многочисленных деревень, входящих в состав Пудожского Троицкого прихода. Из 373 дворов, относящихся к Пудожской церкви, лишь 162 находились в черте города, а остальные располагались в 25 деревнях. Поэтому городское духовенство, как и сельские священники, объезжало округу, повсеместно совершая церковные требы. Пудожскому протоиерею, другим церковникам и хору певчих приходилось совершать освящение местных церквей, посещая самые отдаленные приходы³⁵³. Такой

³⁵³ Кенорецкий Н. Освящение храма // ОЕВ. 1900. № 22. С. 789.

порядок стал заметным фактором, отвлекающим клириков как от богослужения, так и от ведения своего домашнего хозяйства.

В то же время имущественное положение местного духовенства напоминало скудную жизнь большинства городских священнослужителей Олонецкой епархии. При церкви не имелось ни собственной земли, ни принадлежащих церковникам домов. Священно- и церковнослужители Пудожа жили в домах, принадлежащих не им лично, а приходу, в свое время пожертвованных пудожскими мещанами и протоиереем Троицкой церкви в пользу причта. Сопоставление имущественного положения Пудожского духовенства с источниками пополнения бюджета церковников сельских приходов Пудожского уезда позволяет сделать вывод о неблагоприятном положении городского духовенства. Как говорилось в формулярной ведомости, в Пудоже «на содержание священно- и церковнослужителей жалования не получается, а пользуются от прихожан добротным подаванием». В то же время сельское духовенство Олонецкой епархии в целом и Пудожского уезда начиная с 1860-х гг. регулярно получало жалование из казны. Так, церковникам Водлозерского Пречистенского прихода было назначено жалование за счет государственных средств в сумме 240 рублей, а прихожане обеспечили их значительными земельными угодьями: двумя десятинами усадебной (при церкви) и 76 десятинами пахотной земли, а также 6 десятинами сенокоса.

Другим существенным источником дохода как местного духовенства, так и церковной казны стали процентные бумаги, щедро пожертвованные пудожским купечеством приходскому храму и церковникам на различных условиях. В большинстве случаев этим условием стало «вечное поминовение» самого жертвователя и его родственников. Так, известный благотворитель купец Малокрошечный пожертвовал в пользу причта Пудожской церкви три процентных билета. Общая сумма пожертвованных на нужды духовенства средств к 1883 г. составила 3350 рублей. Все доходы от процентных выплат по банковским билетам духовенство делило в соответствии с должностями. При этом наибольшую сумму получал настоятель Пудожской Троицкой церкви, а за его долей, в порядке убывания, следовали доли дохода, причитающиеся помощнику настоятеля и псаломщику.

Различия в положении сельского и городского духовенства наиболее отчетливо заметны в церковно-управленческой сфере. Являясь, по сути дела, частью аппарата уездного уровня власти, пудожское городское духовенство принимало на себя многочисленные и обременительные административные обязанности. Например, на пудожское духовенство возлагалось исполнение благочиннической должности.

Сопряженное со значительной аналитической и контрольной деятельностью исполнение обязанностей благочинного требовало обширных богословских и юридических познаний, организаторских способностей. Кроме того, в соответствии со сложившейся в XIX в. административной практикой духовенство Пудожа вовлекалось в работу, лишь весьма отдаленно связанную с пастырской деятельностью. Так, настоятель Пудожской Троицкой церкви выполнял обязанности Пудожского уездного директора тюремного отделения³⁵⁴. Общей для всех церковников сферой деятельности в изучаемый период стало преподавание. Пудожский священник не исключение: за «отлично-усердное и весьма усиленное преподавание Закона Божия» в градском училище, а также «за благотворное влияние на развитие в учащихся религиозно-нравственного чувства» ему была объявлена благодарность епархиального начальства³⁵⁵.

К числу «новых» городов наряду с Пудожем относится Лодейное Поле и Вытегра. В этих городах прослеживаются сходные закономерности складывания и развития городской религиозной жизни. Поэтому в данном исследовании нет необходимости подробно останавливаться на изложении их специфических черт. Судя по имеющимся источникам, они представлены слабо и связаны со случайными проявлениями активности отдельных граждан. Так, в Лодейном Поле строительство церкви происходило за счет средств одного, но влиятельного и богатого благотворителя, являвшегося одновременно церковным старостой. Судя по публикациям в епархиальных ведомостях, лодейнопольский купец И.Е. Евфимов на собственные средства построил кладбищенскую церковь, отремонтировал главный городской храм, возведенный в свое время на средства его предков³⁵⁶. Он сам стал церковным старостой, отдавая церкви не только деньги на постройку и ремонт, но и уделяя ей «преимущественное внимание» по сравнению с другими житейскими делами. Итоги, с которыми храмы Лодейного Поля вступили в XX в., вызвали радость и умиление у церковного начальства: «все лодейнопольские храмы, и в особенности собор, в отношениях благолепия, чистоты и порядка стоят на

³⁵⁴ Пулькин М.В. Пудож и Водлозерье: опыт сопоставления особенностей религиозной жизни (вторая половина XIX в.) // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 280.

³⁵⁵ Там же. С. 281.

³⁵⁶ С.А. П-ий. Город Лодейное Поле (корреспонденция) // ОЕВ. 1914. № 33. С. 753.

высоте подобающего им, как домам Божиим, приличия»³⁵⁷. Эта ситуация резко контрастировала с типичным для других городов, в том числе и Лодейного Поля, состоянием домов для проживания духовенства. Дома для церковников оставались «убогими», места в них недоставало и поэтому «приходится некоторым членам причта нанимать на счет свой квартиры, которые в Лодейном Поле весьма дороги»³⁵⁸.

Таким образом, внимательное изучение особенностей религиозной жизни, характерных для сельских и городских приходов Олонецкой епархии, показывает, что основные различия между городом и деревней в профессиональной сфере обуславливались административными обязанностями пастырей, а не интенсивностью религиозной жизни или большими материальными возможностями городского населения. Но и в церковно-управленческой сфере между городом и деревней отсутствовала противоположность. Обязанности городского духовенства, и прежде всего исполнение благочиннической должности, в ряде случаев возлагались и на сельских пастырей. В отношении паствы этот вывод может быть сделан с еще большей определенностью. Горожане и крестьяне являлись носителями единой народной, в значительной степени сакральной культуры. Их представления об организации религиозной жизни стали решающим фактором в повседневном бытии православной церкви.

Но все же между городом и деревней имелись серьезные различия. Прежде всего более образованное, чем сельские жители, городское население предъявляло более серьезные требования к совершению богослужений и в целом — к ритуальной стороне деятельности церкви. В ряде городов Олонецкой епархии существовали не только православные, но и лютеранские, иудейские, католические религиозные общины. Между ними не возникало ни конкуренции, ни тем более враждебности, однако наличие христиан иных конфессий и даже нехристианских религиозных сообществ приводило к тому, что на подготовку духовенства и церковное просвещение мирян приходилось обращать более пристальное внимание. Все это приводило к тому, что от городского духовенства требовалась более серьезная богословская подготовка. Ощутимую между городом и деревней диспропорцию в уровне подготовки духовенства и знакомстве паствы с христианскими ценностями были призваны устранить православные братства.

Церковные братства. Как видно из изложенного выше, города Олонецкой епархии при некотором скромном росте благосостояния

^{357, 358} С.А. П-ий. Город Лодейное Поле (корреспонденция) // ОЕВ. 1914. № 33. С. 753.

³⁵⁸ Там же, с. 754.

своих церквей и клира, становлении духовных учебных заведений нуждались в церковном просвещении. В еще большей мере в проповеди, разъяснении истин веры нуждались сельские приходы. Для решения всех этих задач возникли церковные братства. Они должны были своей деятельностью преодолевать сложившиеся ощутимые различия между городом и сельской округой в церковной сфере и просвещать в церковном отношении как горожан, так и сельских жителей. Эти организации выполняли чрезвычайно важную роль в судьбе православия, являясь сообществами мирян и духовенства, созданными при храме и ставящими своими целями в отдельности или в разных сочетаниях просвещение, благотворительность, миссионерскую и церковно-устроительную деятельность, а зачастую — все четыре задачи сразу. На ранних этапах деятельности братств в число стоящих перед ними проблем входила защита православия от его противников и взаимная поддержка верующих в трудных жизненных обстоятельствах³⁵⁹.

Возникновение православных церковных братств связано с судьбой Западной Руси, оказавшейся в XIV—XV вв. под властью польских королей. Первый историк церковных братств И. Флеров утверждал: «Братства должны были возникнуть из устройства современного общества или, по крайней мере, находить для себя опору в гражданских учреждениях того времени»³⁶⁰. В католической Польше сходство между православными братствами и корпорациями ремесленников выполнило важную конспиративную функцию: «братства были терпимы правительством по видимой сообразности их с существующими гражданскими учреждениями»³⁶¹. Православные братства дали возможность «жить литургической жизнью православному верующему человеку во враждебном ему окружении. <...> Но это противостояние не могло продолжаться долго»³⁶².

Возрождение и расцвет братского движения связан с 1860-ми гг. — временем оживления церковно-приходской жизни, реформ в религиозной сфере. Возможности развития православия виделись в то время

³⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Дорофеев Ф.А.* Эволюция православных братств Руси/России. Опыт конкретно-исторического исследования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1998. С. 11.

³⁶⁰ *Флеров И.* О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб., 1857. С. 14.

³⁶¹ Там же. С. 17.

³⁶² *Дорофеев Ф.А.* Эволюция православных братств Руси/России, с. 15.

в возвращении к истокам: воссоздании церковных приходов на древнерусских началах и возрождении братств. Начало их возрождения связано с теми территориями, где изначально формировалось братское движение. Так, в 1863 г. из соображений чисто практического характера и в целях вытеснения поляков-католиков в Вильно начало создаваться так называемое Западно-Русское братство Министерства народного просвещения³⁶³. Впрочем, здесь восстанавливать братства было достаточно просто: «официально братства не были запрещены, никакого закона о них не существовало, и остатки их сохранились в западных епархиях с глубокой старины»³⁶⁴.

Вскоре стихийное развитие братств было поставлено под государственный контроль. Опубликованные в мае 1864 г. Основные правила для учреждения православных церковных братств положили начало возрождению этих церковных организаций в России. Основные правила предполагали открытие и деятельность братств под строгим контролем епархиального архиерея и губернатора, которые утверждали устав братств и надзирали за их деятельностью³⁶⁵. После издания правил и до 1880 г. в России возникло всего 63 братства³⁶⁶. В 1914 г. численность братств достигла 400³⁶⁷. Новые (а по сути дела, хорошо забытые старые) церковные организации сразу же приступили к активной деятельности: «взяли под свое крыло церковные школы епархии, <...> оживили дело церковной и особенно внебогослужебной проповеди, а также миссионерской деятельности и весьма значительно продвинули вперед дело просвещения народа путем распространения книг и брошюр религиозно-нравственного содержания»³⁶⁸.

Все перечисленные формы деятельности рассматриваемых церковных организаций в полной мере относятся к Александрo-Свирскому братству, открывшемуся 9 февраля 1892 г. Его создание обусловлено насущными потребностями бытия православной церкви в Карелии. Эти потребности связаны с сохраняющимся значительным влиянием

³⁶³ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870 гг.). М., 1999. С. 364.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 43.

³⁶⁶ Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901. С. 155.

³⁶⁷ Дорофеев Ф.А. Эволюция православных братств Руси/России, с. 15.

³⁶⁸ Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX в., с. 201.

старообрядчества, слабым развитием духовного просвещения и традиционным не только для Олонецкой епархии преимущественным вниманием приходских священников к требоисполнению в ущерб прочим пастырским обязанностям. Кроме того, духовные власти считали необходимым развивать так называемое внебогослужебное (говоря современным языком, неформальное) общение между клиром и прихожанами, которое прежде также существовало, но ограничивалось исключительно бытовыми вопросами. Устав братства предполагал «улучшать проповедь слова Божия народу», «раздавать грамотным душепасительные книги», «заводить по городам и благочинническим округам библиотеки», «предохранять православных от разных суеверий и заблуждений»³⁶⁹. Для самих членов братства привлекательной была мысль о том, что их организация имеет прообраз в виде общин первых христиан с их простотой нравов, искренностью и, если обратиться к формальным признакам, отсутствием бюрократизма³⁷⁰.

Впрочем, что касается самой бюрократии, то ее отсутствие являлось вожделенной мечтой, идеалом. Братство учреждалось в городе Петрозаводске при церкви во имя Иоанна Богослова, принадлежащей Олонецкой духовной семинарии³⁷¹. Во главе братства в качестве его попечителя стоял епископ Олонецкий и Петрозаводский. Делами братства заведовал главный совет, который разрабатывал нормативные документы: инструкции о ведении миссионерской работы, руководства для организации внебогослужебных собеседований духовенства с прихожанами и пр. В уездах братство представляли Вытегорское, Олонецкое, Каргопольское, Повенецкое и Петрозаводское отделения. На них возлагались обязанности, связанные с повседневной церковно-просветительской работой: наблюдение за ходом внебогослужебных собеседований, открытие церковно-приходских школ, оказание материальной помощи и содействия в учреждении по уездам «противораскольнических» библиотек³⁷².

³⁶⁹ Устав православно-церковного братства преподобного отца нашего Александра Свирского Чудотворца, святого покровителя Олонецкой епархии. Петрозаводск, 1892. С. 4.

³⁷⁰ Александро-Свирское православно-церковное братство // ОЕВ. 1900. № 22. С. 765.

³⁷¹ Устав православно-церковного братства преподобного отца нашего Александра Свирского Чудотворца, с. 3.

³⁷² Отчет о состоянии Александро-Свирского братства за время с 30 августа 1898 года по 30 августа 1899 года (восьмой год существования братства) // ОЕВ. 1899. № 24.

Деятельность братства стала возможна благодаря довольно многочисленным участникам-братчикам, многие из которых принимали участие в деятельности этой организации не только совершенно безвозмездно, но и сами уплачивали весьма значительные членские взносы. Деятельность братств опиралась с одной стороны на традиции благотворительности, а с другой — на бескорыстное участие духовных лиц, заинтересованных в сохранении и развитии новых форм религиозной жизни. Братчиками могли стать лица всех сословий и обоего пола. Тем не менее члены братств делились на: 1) почетных; 2) действительных; 3) пожизненных; 4) членов-соревнователей и 5) непрременных членов. Распределение по категориям зависело от размеров денежного взноса каждого братчика. Так, пожизненными членами братства могли считаться лица, внесшие в капитал братства не менее 50 рублей. Действительными членами становились те, кто пожертвовал в пользу братства не менее 3 рублей. Почетными братчиками становились граждане, оказавшие братству материальную помощь в размере не менее 100 рублей. Членами-соревнователями (как сказали бы мы сегодня, сочувствующими) становились лица, внесшие в капитал братства от 50 копеек до 1 рубля. Все священно- и церковнослужители епархии по должности становились непрременными членами братства. Общее количество членов Александро-Свирского братства в его лучшие годы (1912–1913) составило 850 человек³⁷³. Таким образом, Александро-Свирское братство стало средним по численности в ряду других братств России. Самым большим в империи было братство св. Михаила, располагавшееся в Твери. Оно имело в своем составе более 10 тысяч человек. Самым миниатюрным оставалось братство в городе Литине Подольской губернии, состоявшее из 64 человек³⁷⁴.

Из приведенной выше иерархии участников братства становится очевидным: решение финансовых проблем являлось одной из приоритетных задач в деятельности этих организаций. Определенную, весьма незначительную, часть денежных средств братств составили ассигнования Святейшего правительствующего синода³⁷⁵. Это обстоятельство показывает, что братство пользовалось некоторой поддержкой высших церков-

³⁷³ Александро-Свирское братство Олонецкой епархии в 1911–1913 гг. (Отчет о состоянии и деятельности братства за 20–22 годы его существования) // ОЕВ. 1914. № 1. С. 10.

³⁷⁴ *Дорофеев Ф.А.* Эволюция православных братств Руси/России, с. 16.

³⁷⁵ Отчет о состоянии Александро-Свирского братства за время с 30 августа 1898 года по 30 августа 1899 года, с. 3.

ных кругов. Но все же основная часть средств составлялась из пожертвований благотворителей и членских взносов. При изучении дел братства возникает ощущение, что его главный совет перераспределял поступающие из уездов деньги таким образом, чтобы основные суммы шли на содержание центральных, петрозаводских, структур этой организации, выполняющих наиболее значительную часть задач, стоящих перед братством. Предметом основных забот, радости и огорчений главного совета стал Братский дом, расположенный в Петрозаводске. Завершение строительства этого дома позволило придать деятельности братства большее разнообразие. Фактически Братский дом стал своеобразным приходским храмом братства. В нем регулярно проводились религиозно-нравственные чтения. Это стало главной целью существования Братского дома, но были и другие, менее заметные. В Доме Александро-Свирского братства помещалась епархиальная миссионерская библиотека, а также библиотеки самого Александро-Свирского братства, Карельского православного братства, Палестинского общества и библиотека-читальня гимназического Александро-Невского общества. Помимо библиотек, в Братском доме находились два музея: церковно-школьный и «с предметами церковной старины», а также художественно-бытовая выставка, устроенная церковной интеллигенцией. Наконец, Братский дом служил целям церковного образования: в нем устраивались временные педагогические курсы для преподавателей церковных школ и миссионерские курсы. Кроме этих эпизодических мероприятий, в Братском доме регулярно собирались ученики двух воскресных школ: «постоянной» и воскресной. Иногда в Доме проходили разовые мероприятия — съезды духовенства или церковных обществ, существовавших в то время в Карелии (Карельского и Палестинского.³⁷⁶).

Помимо забот о собственном Доме, братство было занято еще одной существенной проблемой: торговлей иконами и книгами религиозного или, как говорили в то время, «противораскольнического» содержания. Эта сфера деятельности братства не названа в числе источников дохода по той причине, что распространение религиозной литературы отчасти было бесплатным, а отчасти продажа осуществлялась по незначительной цене, как и предусматривалось Уставом братства³⁷⁷. Для распространения церковных книг, главным образом синодального издания, братство организовало своеобразную разносную

³⁷⁶ Александро-Свирское братство Олонецкой епархии в 1911–1913 гг. // ОЕВ. 1914. № 2. С. 27 (Продолжение статьи, опубликованной в № 1 за 1914 год).

³⁷⁷ Устав православно-церковного братства преподобного отца нашего Александра Свирского Чудотворца, с. 4.

торговлю: учредило должность «книгонош», продававших в деревнях книги церковных издательств. Несколько иначе обстояло дело с торговлей иконами. В ноябре 1897 г. братство открыло собственную лавку при кафедральном соборе в Петрозаводске, приносящую некоторый доход, в лучшие годы достигавший 3200 рублей³⁷⁸. В 1900 г. духовное начальство с удовлетворением отмечало, что «совокупными усилиями Александро-Свирского братства и самого духовенства, при непосредственном участии и содействии епархиального начальства, дело распространения между духовенством хороших книг продвигается значительно вперед»³⁷⁹. Но все же наиболее памятную страницу деятельности братства составляет организация церковно-приходских школ и миссионерская деятельность. В Олонецкой епархии за неимением сколько-нибудь значительных общин представителей неправославных конфессий миссионерская деятельность направлялась против старообрядцев, которые в соответствии с существовавшим законодательством приравнивались к лицам инославных исповеданий. После 1908 г., с утверждением нового Устава, миссионерская деятельность официально стала основной целью братства. И оно сразу приступило к исполнению своей главной роли.

В своей миссионерской деятельности братство могло опереться на сложившуюся задолго до его создания практику подобной работы. Главный совет братства давал свои заключения по конкретным кандидатурам миссионеров, организовывал миссионерские курсы в Муромском Успенском и Александро-Ошевенском монастырях, публиковал ежегодные отчеты миссионеров о проделанной работе. Ряд направлений миссионерской деятельности братства заключался в выполнении церковно-просветительских обязанностей, возлагавшихся в соответствии с церковным законодательством на епархиальное начальство. Так, братство предоставляло средства для пополнения церковных библиотек необходимыми для миссионерской работы книгами, заботилось о строительстве новых православных церквей. Наконец, братство считало необходимым «поощрять наиболее ревностных в своем деле отцов миссионеров выражением благодарности, а недостаточно усердных побуждать к более усиленной деятельности»³⁸⁰.

³⁷⁸ Александро-Свирское братство Олонецкой епархии в 1911–1913 г. (Продолжение), с. 27.

³⁷⁹ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1850, л. 29 (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г.).

³⁸⁰ Александро-Свирское братство Олонецкой епархии в 1911–1913 г. (Отчет о состоянии и деятельности братства за 20–22 годы его существования). Петрозаводск, 1914. С. 18.

До 1895 г. в административном заведовании братства находились церковно-приходские школы. По сути дела, это означало довольно обширный круг обязанностей, связанных с самыми насущными, земными, материальными потребностями. Это жалование учителям, аренда помещений, обеспечение книгами и специальными аппаратами для показа, как в то время говорили, «туманных картин» на библейские темы, т.е., вероятно, некоего подобия диапозитивов с одновременным объяснением смысла изображений и «пением церковных песнопений». Довольно часто в церковно-приходских школах преподавали церковники-братчики³⁸¹.

Деятельность Александрo-Свирского братства в Олонецкой епархии в своих общих чертах вполне совпадает с активностью аналогичных организаций в соседних епархиях России, духовенство которых сталкивалось со сходными проблемами и пыталось решать их узнаваемыми методами. Так, в Вологодской епархии, судя по годовому отчету епархиального архиерея, дело духовного назидания народа было поручено действующему под руководством епископа братству Всемилостивого Спаса. Приходскому духовенству вменялось в обязанность предоставлять братству сведения о молебнах, акафистах и беседах, проводимых в епархии, а также о том, «как относятся прихожане к беседам и катехизическим поучениям и как усердно собираются к ним»³⁸². Для улучшения пастырской деятельности братство распространяло литературу, «наиболее пригодную для беседований применительно и ко времени произнесения поучений и религиозно-нравственному состоянию населения той или иной местности»³⁸³.

Другое параллельно существующее братство действовало в Архангельской и Олонецкой епархиях и в основном было ориентировано на просвещение отдельной этнической группы в составе населения епархии, а именно карелов³⁸⁴. Первоначально, с 1907 г., в России существовали два карельских братства. Архангельское православное Беломорско-Карельское братство во имя Святого Архангела Михаила возникло в феврале 1908 г. по инициативе местного епископа, пожертвовавшего

³⁸¹ Отчет о состоянии Александрo-Свирского братства за время с 30 августа 1898 года по 30 августа 1899 года, с. 4.

³⁸² РГИА, ф. 796, оп. 442, л. 1826, л. 39, об. (Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1900 г.).

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Подробности возникновения и преобразования карельских братств см. в монографии М.А. Витухновской. (См.: *Витухновская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России. 1905–1917 гг., с. 159–218).

на нужды братства значительную сумму из собственных средств и обывавшего монастыри епархии «к ежегодному отчислению из своих средств в пользу братства». Одновременно на территориях Олонецкой епархии и Финляндии начало действовать Георгиевское Карельское братство. Лишь в 1909 г. братства смогли преодолеть противоречия и объединиться. Целью братства стало противодействие лютеранской и панфинской пропаганде среди карелов³⁸⁵. Другой немаловажной задачей являлись обычные для всех братств России обязанности: ремонт церквей, открытие приходов в селах и деревнях, удаленных от церквей, содействие священникам «инородческих» приходов «в устройстве и содержании приходских храмов в надлежащем виде и благолепии»³⁸⁶. К 1909 г. отделения православного Карельского братства появились в Олонецкой епархии, в городах Петрозаводске, Повенце, Пудоже, Каргополе, Вытегре, Лодейном Поле, Олонце и селе Вознесенье. Деятельность Карельского братства в своих общих чертах совпадала с активностью Александрo-Свирского братства и предполагала, в частности, «распространение среди населения книг религиозно-нравственного и национально-патриотического характера», миссионерскую деятельность и «устройство собеседований и чтений при школах»³⁸⁷.

В процессе деятельности братство столкнулось с чрезвычайно сложной проблемой: незнанием большинством взрослого населения русского языка³⁸⁸. «Такое явление не могло пройти мимо деятелей в этой отрасли, и некоторые из них стали практиковать разъяснение картин (*демонстрировавшихся в ходе чтений*. — М.П.) на карельском языке». Учителя школ, организованных братством, «не ограничились

³⁸⁵ Подробнее об этом см.: *Дубровская Е.Ю.* Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX—начала XX в.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55–64.

³⁸⁶ К открытию Кемского Архангельской епархии отделения православного Карельского братства во имя Святителя Георгия Победоносца // АЕВ. 1907. № 23. С. 792; См. также: Отчет о первом годе (17 февраля 1908 года по 1 августа 1908 года) деятельности Архангельского православного Беломорско-Карельского братства во имя святого Архангела Михаила // Там же. 1908. № 18. Приложение. С. 1.

³⁸⁷ Обзор деятельности отделов православного Карельского братства в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1910. С. 3.

³⁸⁸ *Пулькин М.В.* Языковые проблемы в деятельности Карельского православного братства (1907–1917 гг.) // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященный 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 184–190.

этим и стали переводить намеченные для прочтения статьи на карельский язык и затем вели чтения параллельно по-карельски и по-русски»³⁸⁹. В 14 приходах на территории Олонецкой и Финляндской епархий Карельское братство открыло библиотеки, состоящие из религиозной (православной) литературы на карельском языке, а также разослало в 48 «карельских» приходов «много братских изданий на карельском языке», положив тем самым начало «карельскому отделу в церковных библиотеках»³⁹⁰. Оценивая первые итоги деятельности председатель совета Карельского братства утверждал: «Строятся школы, подновляются церкви и часовни, ходят сеятели благодатных семян святого православия в самую карельскую глушь, которая до последнего времени спала глубоким духовным сном и жила вдали от церкви своей неведомой нам жизнью»³⁹¹.

При таком огромном разнообразии и сложности задач, стоящих перед братствами, попытка дать их обобщающую характеристику связана с немалыми трудностями. С одной стороны, братства являлись неформальными организациями, самостоятельно разрабатывающими свой устав. Они, несомненно, обладали способностью адаптироваться к конкретным условиям каждой епархии, изменяя акценты в просветительской деятельности в зависимости от приоритетов религиозной жизни и особенностей миссионерской работы на данной территории. Но, с другой стороны, руководители братств прислушивались к требованиям и пожеланиям епархиального начальства, а также были обязаны учитывать нюансы законодательства по церковному вопросу. Цель правовых актов в этой сфере заключалась в том, чтобы «перехватить инициативу, шедшую из глубин церковной жизни и, формализовав, поставив под контроль государства, использовать в сугубо утилитарных целях»³⁹². Возникновение церковных братств в России может быть объяснено следующим образом: в конце XIX—начале XX в. в церковной публицистике и связанных с решением церковных проблем правительственных сферах довольно оживленно обсуждался

³⁸⁹ Обзор деятельности отделов православного Карельского братства в Олонецкой губернии, с. 7.

³⁹⁰ *Островский Д.* Задачи, деятельность и значение православного Карельского братства во имя святого великомученика и победоносца Георгия (Речь на религиозно-нравственном чтении 24 января 1909 г. в братском Назариевском доме г. Петрозаводска). Петрозаводск, 1909. С. 9.

³⁹¹ Речь Председателя православного Карельского братства, иеромонаха Киприана на общем собрании братства // ОЕВ. 1909. № 19. С. 413.

³⁹² *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху великих реформ, с. 369.

вопрос о возрождении общественных начал в церковной жизни. Речь шла преимущественно о приходе³⁹³. Создание Александро-Свирского, Карельского и других братств вполне вписывается в круг мер, призванных возродить былое участие мирян в управлении церковными делами, которое в этот период отождествлялось с благополучием церкви. Братство стало своего рода повторением приходской формы организации религиозной жизни на макроуровне — в пределах епархии. Предоставив обществу возможность включиться в решение церковных проблем, губернская и епархиальная администрации, как показывает изучение истории братств, оставляли за собой решающее слово.

Подведем итоги главы.

Проблема адаптации приходской жизни к новым для нее явлениям — этнокультурной специфике края, становлению городов, появлению старообрядчества — возникла и обрела особую актуальность в изучаемый период. Конечно, эти проблемы не равнозначны. С языковыми проблемами приходы Олонецкой епархии сталкивались с первых лет своего существования. Однако представители духовенства предпочитали не замечать сложность и остроту задачи, по сути дела, игнорировали проблему, которая заключалась в активном взаимодействии с прихожанами, не знакомыми с русским языком. Здесь оказалось необходимым вмешательство центральной и местной духовной властей, которые совместными усилиями, через меры поощрения и принуждения добились перелома ситуации. Отныне, начиная с первых десятилетий XIX в., духовенство занялось переводами Священного Писания, богослужебных текстов, проповедей, стало использовать карельский язык при совершении обрядов и таинств.

Иными чертами обладает другая сторона адаптации прихода к местным условиям и изменениям, происходящим в конфессиональной жизни. Речь идет о старообрядческом влиянии, которое в Карелии обрело особенно радикальные формы. Способом адаптации здесь стало взаимодействие между властью и духовенством. Обе стороны видели в старообрядчестве грозного врага, способного разрушить как единство прихожан, так и стабильность государства. Преодоление проблемы виделось в объединении усилий. Конкретные меры заключались в сочетании возможностей репрессивного аппарата, силовых структур и церковной проповеди. Обе эти формы воздействия на «раскольников» применялись в разных сочетаниях, но в целом роль

³⁹³ Подробнее об этом см.: Пулюкин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV—первая треть XX в.), с. 4–8.

полиции и жандармерии постепенно ослабевала, а роль духовенства и миссионеров усиливалась. Несложно заметить, что проблема старообрядческого влияния оказалась тесно переплетена с языковыми проблемами. Миссионерская деятельность духовенства наталкивалась на языковой барьер, поэтому не всегда оказывалась на высоте.

Проблему церковного просвещения, руководства духовной жизнью должны были взять на себя города — действующие в них органы церковной власти и духовного образования, городские клирики. С городами связывались проекты совершенствования духовной жизни, преодоления ее недостатков (отсутствие проповедей, неблаголепное богослужение, слабая подготовленность духовенства). Здесь возникли существенные проблемы. Огромная нагрузка, возложенная на городское духовенство, масштабные ожидания и широкое поле деятельности, открывшееся перед ним, далеко не всегда подкреплялись материально. Нередко городские церковники владели жалким существованием, церкви строились по произволу жертвователей, если таковые находились, а новые черты духовной жизни, активно внедряемые церковными братствами, действующими во всех городах епархии, приживались слишком медленно.

Тем не менее религиозная жизнь, сталкиваясь с разнообразными трудностями, более или менее успешно преодолевая их, постепенно преобразовалась. К началу XX в. оказался очевидным рост профессионализма в среде духовенства, появление новых форм взаимодействия с прихожанами (в частности, проповедь на русском и карельском языках). Церковники перестали надеяться лишь на репрессивные меры при взаимодействии со старообрядцами и более-менее успешно занялись миссионерской деятельностью. В авангарде изменений шло городское духовенство, на которое духовной властью возлагались особые надежды. Длительный, но небезуспешный процесс адаптации оказался прерван такими изменениями общественного строя, приспособиться к которым Церкви оказалось не под силу.